

KPICA

ЛИВАДНЫЙ

Мятежный Процион

ЭКСМО

Форма жизни

Андрей Ливадный
Мятежный Процион

«Автор»

2006

Ливадный А. Л.

Мятежный Процион / А. Л. Ливадный — «Автор»,
2006 — (Форма жизни)

Здесь, на Проционе, свершилось немыслимое – творцы поменялись местами со своими созданиями. Носители искусственного интеллекта, используя технологию, созданную сгинувшими в лучине времен селенитами, воссоздали... людей. Лишенные памяти о прошлом, которого у них, в общем-то, и не было, они превратились в подопытный материал для андроидов. Лучшие из поколения созданных, Ян Ковальский и Мари Лерман, смертельно рискуя, пытаются найти ответ на вечные вопросы: кто мы? откуда появились? ради чего существуем? Неожиданную поддержку им оказывает смертельный враг, полковник Нагаев – сверхмашина и сверхчеловек в одном теле... Также книга издавалась под названием «Процион»

© Ливадный А. Л., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Пролог	5
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Ливадный

Мятежный Процион

Пролог

Стоял хмурый, пасмурный день. Теплый ветер нес терпкие запахи леса, смешанные с флюидами далеких вулканических извержений.

Здесь никогда не наступала зима, часто лили теплые дожди, небо вечно укрывала пелена серых, гонимых ветром облаков, да и смена времен года была заметна лишь благодаря деревьям, кустам и травам, увядавшим по непонятной для столь ровного климата причине и вновь, спустя пару недель, выпускавшим свежие побеги, клейкую листву...

Природа тут соседствовала с искусственными сооружениями, да и большинство посадок, будь то лес или поля, несли явный отпечаток изначальной продуманности, некоей глобальной планировки ландшафтов.

...По нескольким просекам, рассекая лесной массив на симметричные участки, протянулись серые, приподнятые на мощных опорах ленты скоростных автомагистралей.

Вдали, за похожей на распутившийся лист клевера дорожной развязкой, виднелись смутные очертания высотных зданий города.

При ближайшем рассмотрении природа, окружающая приподнятые над землей автобаны, выглядела вполне заурядно: тихо шумели кронами сосны, молодой ельник граничил с разросшимися на просеках кустарниковыми зарослями, настораживала лишь тишина, в которой не было слышно пения птиц, стрекота насекомых, хруста сломанной ветки или деловитого жужжания шмеля, вьющегося над соцветьями травянистых растений, словно из обычных, присутствующих лесу звуков остался лишь монотонный шелест древесных крон.

Подобная тишина кажется зловещей, неестественной, чего-то ждущей: так обычно затихает природа перед грозой, но хмурые облака не предвещали ни ливня, ни ураганного ветра — они лениво клубились над автострадами, изредка роняя морось мелкого, нудного дождя.

Сами магистрали также казались запустелыми, поблекшими: не работали лазерные указатели направлений, на съездах в районе развязки, где плавные спуски перетекали в обыкновенные проселочные дороги, не было видно свежих следов протекторов, да и просеки изрядно заросли кустарником.

Время как будто застыло.

Даже точка, видневшаяся у горизонта на фоне укутанных дымкой городских окраин, вела себя, будто насекомое, попавшее в густой сироп...

На самом деле мощный, элегантный автомобиль двигался со скоростью двухсот километров в час, просто расстояние от дорожной развязки до города было слишком велико...

За рулем машины сидел молодой человек в легкой одежде спортивного покроя. Тонированные стекла машины едва позволяли рассмотреть черты его лица, напряженные, словно водитель прилагал немалые усилия, чтобы удерживать машину на идеально ровном дорожном полотне.

Внезапно, словно материализовавшись из окружающего город туманного марева, на дороге возникла еще одна точка.

Скорость второй машины значительно превосходила отметку двухсот километров в час.

Она неслась по автобану, поднимая вслед за собой вихрящийся мусор в виде прошлогодней листвы, мелких веточек, занесенных сюда ветром, да редких, непонятно откуда взявшихся пожелтевших обрывков бумаги...

...На приборной панели первой машины злобно вспыхнул предупреждающий сигнал.

Водитель отреагировал на предупреждение системы лазерных дальномеров с неестественным для его напряженного облика спокойствием: коснувшись сенсора, он отключил световую индикацию и, передав управление системе автопилота, включил датчики заднего обзора, задав цифровым камерам, расположенным на уровне бампера, максимальное увеличение и разрешающую способность.

На экране, вмонтированном в приборную панель, тут же появилось изображение: несущийся следом автомобиль явно обладал форсированным двигателем и управлялся без посредства автопилота, который не допустил бы вождения на подобных скоростях.

Он понял – отрываться бесполезно. Его машина явно уступала в скоростных характеристиках неумолимо приближающемуся флайкару.

«Принять бой? – промелькнула мысль, и тут же на смену ей пришла другая, несущая оттенок безнадежной горечи: – Разве что кулаками?..»

Впереди появились строения блокпоста. Автопилот машины, следуя внутренним инструкциям, начал плавное торможение.

Проверка документов.

Этого не избежать. Мощные заграждения не растолкаешь бампером, их убирают только после тщательной проверки, посредством двух временно установленных (и оставшихся навсегда, как все временное) подъемных кранов, уже наполовину вросших в почву по обе стороны магистрали.

Нужно расслабить мышцы лица. Об этом приходилось думать: естественная, непринужденная мимика еще не успела войти в разряд бессознательно совершаемых действий.

Документы в порядке. Нет причин для беспокойства.

Темно-вишневый спортивный «Ягуар» плавно завершил торможение, остановившись перед многотонным бетонным блоком, на котором флюоресцировала надпись: «Граница запретной зоны».

Рядом мерцал недвусмысленный знак, обозначающий высшую степень биологической опасности.

Дежуривший на блокпосту офицер выглядел абсолютно спокойным. Молча взглянув в салон через приспущенное ветровое стекло, он не произнес приветствия и не задал вопроса, лишь требовательно протянул руку, принимая удостоверение личности, затем приложил пластиковый прямоугольник к укрепленному на запястье сканеру.

«Энтони Дрейк» – буквы на крошечном дисплее зловеще сменили цвет с изумрудного на алый.

– Ваш допуск аннулирован, – сухо произнес офицер, явно не собираясь возвращать удостоверение.

Дрейк все же протянул руку.

– Удостоверение. – Его голос прозвучал требовательно, властно, хотя в мыслях Энтони продолжал испытывать горечь.

Он знал, что документы в таких случаях не возвращают. Тогда на что он надеялся, протягивая руку?

Офицер замешкался ровно на секунду. Он никак не мог определить: кто перед ним? Работе сканера мешал компонент краски и тонировки стекол автомобиля, явно использованный в маскирующих целях. Голова, плечо и рука водителя выдавали на внутренний дисплей четкий тепловой контур, нехарактерный для...

Тонкая, длинная игла раздвинула кожу на указательном пальце Энтони Дрейка.

Молниеносный удар в область грудной клетки полностью парализовал офицера – нет, его ноги не подкосились, он остался стоять, но уже не мог шевельнуться, потянуться к оружию, хуже того: иглообразный шунт, пробивший грудной кожух и изоляционное покрытие, вошел

в механический контакт с ядром системы, перехватив управление сервомоторами и передатчиком.

Офицер медленно вытянул обе руки, одновременно повернув голову.

Передачик, скомпонованный в височной области покрытого пеноплотью металлопластикового черепа, уже посылал инструкции примитивным исполнительным механизмам, которые тут же начали поднимать многотонные блоки, а правая рука вернула водителю документы.

Дрейк забрал удостоверение, затем принял от андроида табельное оружие и только тогда выдернул шунт, напоследок передав в систему офицера недвусмысленное целеуказание:

Преступники во второй машине. Останови их.

«Ягуар» с пробуксовкой рванулся вперед, в образовавшийся зазор между плитами, едва не ободрав краску о бетонные ограждения.

Офицер пошатнулся.

Вместо того чтобы опустить ограждение, он сделал несколько шагов, остановившись на разделительной полосе, и требовательно поднял руку, пытаясь этим жестом призвать к порядку не снизивший скорости флайкар.

Удар смял его, отшвырнул в сторону, туловище переломилось, рука, пытавшаяся ухватиться за какую-либо опору, лишь чиркнула пальцами о бетонное покрытие дороги, содрав пеноплоть; из-под оголившихся сервоприводов брызнули искры, человекоподобную машину по инерции проволокло еще с десятков метров и оставило лежать в нелепой позе у основания закругляющихся сверху, облицованных слоем пенорезины отбойников...

События развивались стремительно.

Две машины углублялись в запретную зону, по обе стороны автостреды монотонно шумел лес, накрапывал мелкий дождь, отчего за «Ягуаром» вихрился туманный след водяной пыли...

Дрейк понимал – ему не уйти.

Город уже исчез вдаль, его заслонили туманные испарения, исходившие от теплой и влажной земли.

Флайкар приближался стремительно и неумолимо, словно злой рок следовал по пятам Дрейка, изгоняя всякую надежду на спасение.

А собственно, для чего он пытался бежать? Чтобы снова стать изгоем, блуждать в наступивших сумерках собственного сознания, понимая, что был лишь одним из актеров драмы, а не ее режиссером, как то думалось поначалу.

Некоторые откровения, к сожалению, приходят слишком поздно.

Зрителей не устраивал счастливый финал, жестокий спектакль для избранных, под названием «жизнь», должен продолжаться... а он...

Энтони горько усмехнулся.

Он даже толком не научился владеть своей мимикой.

Желая лучшей жизни для людей, пытаясь загладить невольные ошибки прошлого, Дрейк не смог вовремя понять главного, и вот наступил закономерный итог – его убрали со сцены, не дав ни единого шанса на вмешательство в работу отлаженной системы...

Был ли смысл сопротивляться неизбежности?

Энтони боролся, сколько себя помнил. Почему сейчас он должен опустить руки? Потому что вновь остался один, познал смысловое значение понятия «предательство»?

...Впереди показалась знакомая дорожная развязка.

Он был вынужден снизить скорость, чтобы вписаться в крутой поворот, ведущий к съезду на проселочную дорогу, уходящую в глухой лес.

Только бы проскочить. Там они его не возьмут.

Странное чувство – надежда. Оно то угасает, то вспыхивает вновь, с неистовой силой подчиняя все остальные чувства.

На повороте машину все же занесло, «Ягуар» ударился бортом об отбойник, на секунду застыл, потеряв скорость, и в этот миг флайкар преследователей вылетел на дорожную развязку, виртуозно развернулся, гася скорость, и из глубины салона через открывшиеся двери по машине Дрейка хлестнули тугие автоматные очереди.

Энтони опоздал на какие-то мгновенья. От удара отключились системы бортовой навигации, на панели приборов крошечный экран показывал критические повреждения подвески, но он мог... мог, но не успел увести покалеченную машину за плавный изгиб спуска.

Пули с глухим звоном прошибали металл, блеклый свет полудня, ворвавшийся сквозь десятки пробоев, тут же высветил струйки дыма, просочившегося из простреленной приборной панели, – тонкие лучики света наполнили салон, обозначая углы вхождения пуль, – злое, красота разрушения, отпечатавшаяся в последнем проблеске сознания.

Энтони даже не пытался встать.

Он видел, как текут сизые завитки дыма, замысловато переплетаясь в тонких лучиках света, и понимал, что переживает последние мгновенья своего долгого, трудного существования.

За все на свете приходится платить. И за совершенные ошибки, причинившие зло, и, как ни странно, за попытку делать добро.

Собственно, теперь он понимал, его уничтожили именно за добрые намерения.

Мысли начали путаться, мир терял краски.

Протяжно скрипнула деформированная дверь «Ягуара».

Чьи-то руки грубо вырвали его из кресла.

– Нейромодули, – кратко напомнил пришедший издалека голос.

В грудь уперся ствол автомата.

– Не уничтожить. Извлечь.

Ствол переместился. Несколько точно произведенных выстрелов пробили плоть, сорвав замки грудного кожных.

– Не снимается. Мешает имплантированная кожа.

– Ну, так режь! В первый раз, что ли?

Ни один из участников разыгравшейся драмы не видел, как на мизансцене событий появился невольный свидетель.

Впрочем, человек, облаченный в полную боевую экипировку, предохраняющую от воздействия опасных биологических форм не хуже специального костюма, вовсе не считал, что принимает участие в *спектакле*, а уж тем более не смог бы остаться *зрителем*.

В запретной зоне вообще редко встретишь человека, и никто никогда не забредал сюда *случайно*.

Зрение и сканирующие системы боевого шлема фиксировали, как четверо «блюстителей порядка» – в мыслях проскользнула злая ирония – догнали и изрешетили спортивный «Ягуар», а теперь явно глумились над мертвым телом его водителя.

Тепловые контуры, вычерченные датчиками термальной оптики, явно соответствовали людям.

Впрочем, таких подонков людьми можно назвать лишь с большой натяжкой на биологическое строение.

В ответ промелькнувшей мысли ствол автоматического оружия, снабженного электронно-оптическим прицелом, совершил плавное движение, и вдруг...

Четыре одиночных выстрела, произведенные с интервалом в доли секунды, слились в короткую сухую очередь.

– Проклятье!..

Невольное восклицание, приглушенное дымчатым проекционным забралом боевого шлема, отразило крайнюю степень удивления и досады, когда четверо садистов, орудовавших над мертвым телом, лишь пошатнулись от удара пуль, пробивших их головы.

Они не являлись людьми!..

Отчего же тогда лгут сканеры?

Снайпер резко сместил прицел, но поймать уязвимое место *сервомеханизма*, замаскированного оболочкой из живой плоти, не успел: реакция на выстрелы со стороны мнимых людей была одинаково стремительной и грамотной: бросив свое занятие, они метнулись назад, к оставленному посреди дорожной развязки флайкару.

В тишине громко хлопнули четыре дверцы, и машина резко рванулась с места.

Произведенный вслед выстрел только высек искры из глянцевого корпуса бронированного автомобиля.

Снайпер, занимавший позицию на прочной раздвоенной ветви сосны, проводил взглядом стремительно удалявшийся флайкар, подумав, что следует купить подобную машину.

Через несколько минут человек вышел на опустевшую дорожную развязку.

Его лицо скрывал боевой шлем.

Остановившись подле тела, распростертого на забрызганном кровью бетоне, снайпер попытался определить, жив ли несчастный.

Нет.

С такими ранениями не живут.

Голова незнакомца едва держалась на лоскуте кровоточащей кожи – пули перебили шейные позвонки.

Рука усталым движением сняла шлем, освобождая из-под него каскад рассыпавшихся по плечам волос.

Снайпером оказалась женщина лет тридцати.

В этот момент Энтони открыл глаза.

В тумане плавало лицо. Красивые, слегка заостренные черты, пронзительный взгляд... Он уже где-то видел ее.

Неужели на свете все-таки есть эта непонятная, не поддающаяся никакому счислению сила, имя которой Судьба?

Он вспомнил это лицо. Лицо молодой, насмерть перепуганной девушки, которую он едва не застрелил несколько лет назад.

Вряд ли она узнает меня...

Но добьет – точно.

Последняя мысль. Окончательная...

Он уже не видел, как женщина склонилась над ним, осмотрела вспоротую грудь, затем точным движением извлекла из-под напитанной кровью одежды и разрезанной плоти деформированный пулями металлопластиковый кожух, под которым обнажилось ядро системы.

Тонкие прозрачные трубки, подающие кровь к нейромодулям, были разорваны пулями.

Она на секунду задумалась, а затем, прошептав что-то невнятное, достала из специального клапана экипировки пару зажимов и мягкий резервуар полевой капельницы, наполненный консервированной кровью.

Энтони ошибся в своей последней мысли.

Она, конечно, не узнала его, но почему-то решила не добить, а спасти.

Часть I Мари

Глава 1

Запретная зона. Настоящее...

Тонкая нить тревоги. Она резко натянулась, порвалась в сознании, заставив Мари мгновенно проснуться.

Мягкий сумрак спальни, освещенный тусклым светом ночника...

На самодельной панели охранной системы, вмонтированной в стену напротив кровати, взмаргивал алый точечный индикатор.

Вокруг царила глубокая тишина. Такая, от которой в ушах появляется навязчивый фантомный звон.

Медленно выдохнув, Мари уняла глухие удары сердца и медленно, не нарушая звенящей тишины, сомкнула пальцы на прорезиненной рукоятке автоматического пистолета.

Кто? – вопрошал рассудок.

*ИскИн?*¹

Не похоже... Кибернетические механизмы оснащались достаточным количеством сканеров, большинство из них давно не считали себя бытовыми андроидами, а борьба за выживание в «запретной зоне» научила их безошибочно определять элементы «растяжек», будь то простая проволока, либо емкостный датчик, или инфракрасный, незримый для человека луч лазера.

Тишина продолжала звенеть.

Человек?

Слишком уж он тих и осторожен. Или затаился, обнаружив допущенную оплошность?

Палец Мари снял оружие с предохранителя.

Первый патрон в стволе.

Правило, привычка, оставшаяся еще с войны. Оружие всегда должно быть под рукой и готово к бою. Иначе – смерть.

Не двигаясь, она посмотрела на компьютерный терминал.

Пять часов утра.

Она легла в три – накануне, вернувшись из запретной зоны (такое название получила местность, где несколько лет назад удалось остановить вторжение ИскИнов, носителей искусственного интеллекта), Мари сначала разбирала находки, затем ради собственной же безопасности упаковывала их в специальные контейнеры.

Маленький злобный огонек на охранной панели погас.

Может быть, крыса или бродячий кот?

Не теши себя надеждами... – в душе Мари понимала: глупо цепляться за призрачную соломинку, которая не принесет спасения. Рядом находился кто-то чужой. На мелких животных установленные ловушки попросту не реагировали.

Медленно, стараясь не нарушать тишины, она выбралась из-под одеяла, ступила босыми ногами на холодный пол, сделала шаг в тень, в сторону второго выхода из спальни, который вел в подвальную часть старого дома.

¹ *ИскИн* – Искусственный Интеллект (жаргонное).

Более всего на свете она не выносила убивать людей, но зачастую ситуация не оставляла ей иного выбора...

На улице хмурились предрассветные сумерки.

День, как обычно, обещал быть жарким, но сейчас над заброшенными постройками одной из покинутых агротехнических ферм сгустился туман, на пожелтевшей траве, пучками пробивавшейся в стыках бетонных плит, дрожали капельки росы.

Вокруг царил смешанный пейзаж: вездесущая растительность практически поглотила заброшенное поселение, побеги лианоподобных растений, цепко карабкавшиеся по стенам, идеально маскировали покинутый поселок от обнаружения с земли и воздуха – попасть сюда было возможно, лишь обладая точным знанием местности...

Ян Ковальский помнил расположение всех агротехнических ферм еще с довоенной поры. Он был одним из немногих, кому удалось выжить, столкнувшись с сонмищем ИскИнов, вторгшихся со стороны вулканической пустыни.

Сколько же еще вот таких заброшенных, потаенных уголков, навек сохранивших следы той короткой драмы, хранят молчаливые леса «запретки»? – подумалось ему.

Ковальский осмотрелся. Да, несомненно, здесь разыгрался один из страшных эпизодов внезапного противостояния. Взгляд то и дело цеплялся за свидетельства былого: многие дома стояли без крыш, большинство окон щерились огрызками стеклопластика, на стенах виднелось множество выщербин от попаданий пуль и осколков, бетонные плиты дороги просели, кое-где на них темнели круговые подпалины от взрывов, их не сумели стереть дожди и обошла стороной растительность, милостиво прикрывая зеленью основные разрушения поселка.

Лишь несколько строений (в том числе и дом, окруженный бойцами в темной камуфлированной униформе) выглядели годными для жилья.

Командир отряда заставил себя прогнать воспоминания и начал жестами указывать бойцам позиции для штурма.

Лицо Яна скрывал боевой шлем с опущенным пуленепробиваемым забралом, и подчиненные не могли видеть, как серые пятна смертельной бледности проступили на щеках командира, прежде чем он дал резкую отмашку, означающую готовность к штурму.

Ему было тяжело. Душа ныла под гнетом воспоминаний, и в эти минуты Ковальский впервые за последние годы пожалел, что остался в отряде специального назначения по окончании тех чудовищных событий.

Хотя, после всего пережитого, был ли у него иной путь?

Он оглянулся, понимая, что сознательно оттягивает время. Взгляд упал на два приземистых армейских вездехода, перегораживавших участок улицы, исключая возможность бегства с использованием транспортных средств.

Лицо командира за прочным дымчатым пластиком исказила гримаса боли. Он находился на грани. На грани неисполнения приказа, ибо узы крови, связавшие всех людей, оказавших неистовое сопротивление внезапно обрушившейся беде, на поверку оказались сильнее любой субординации...

Казалось, еще секунда промедления, внутренних сомнений, усиленных внезапно нахлынувшими среди руин воспоминаниями, и долг службы окончательно будет подавлен эмоциями.

Ян стиснул зубы, отводя взгляд от вездеходов.

Его отряд из двадцати бойцов полностью окружил строение, медлить дальше было бессмысленно, и Ковальский решительно направился к входу, уже не глядя по сторонам, как минуту назад.

Он никогда не верил в чудеса и понимал: сейчас все кончится быстро, почти бесшумно... и тогда ему придется взглянуть в очередное *мертвое* лицо, которое вдруг окажется *знакомым*.

Ковальский знал: рано или поздно подобное случится. Кто попало в «запретку» не ходит, для этого необходимы мужество и подготовка. Тихий пустынный лес только кажется безобидным, на самом деле он таит множество смертельных опасностей.

Каждый раз, отправляясь на очередную операцию, он молил об одном – только бы нарушителем не оказался кто-то из ребят, уцелевших в аду двухдневных боестолкновений с пришлыми ИскИнами.

Почему сегодня его гложет не просто дурное предчувствие, а ощущение беды?..

Он резко и нарочито громко открыл дверь; всколыхнувшееся внутри отчаяние оказалось столь внезапно и велико, что он на миг подумал: *пусть первая пуля достанется мне, оборвет этот затянувшийся кошмар...*

Мари не видела творящегося на улице, но жизнь в постоянной опасности и напряжении научила ее не строить иллюзий и всегда морально готовить себя к худшему, чтобы лучшее могло стать приятным сюрпризом.

Она была инфицирована, поставлена вне общества, и отчетливо понимала, что надеяться в этом мире можно только на себя. У нее, конечно, оставались знакомые, но никого из них она не могла назвать другом. Все, кто был ей дорог, оказались по ту сторону незримой черты после того, как сама она «пропала без вести» в бою с ИскИнами.

Ни один человек на свете не знал, что она жива.

Снаружи резко скрипнула дверь.

Мари специально не смазывала их механизм, чтобы ни один случайный посетитель не смог застать ее врасплох.

От входа через холл до спальни тридцать пять шагов.

Первая установленная внутри дома ловушка сработала спустя три или четыре секунды после протяжного скрипа двери.

Взрывное устройство направленного действия было снабжено зарядом малой мощности, без поражающих элементов, и рассчитано на создание ударной волны, которая вышвырнет незваного визитера через дверь.

Устраивая ловушку, Мари исходила из гуманных (с ее точки зрения) и чисто практических соображений. Если ее потревожили случайно, то человек второй раз не сунется в дом – отлежится после легкой контузии и поспешит убраться прочь.

Ну а если к ней пожаловали настоящие проблемы, то первый заряд остановит нападающих, собьет их с темпа, даруя ей немного драгоценного времени.

Так оно и случилось. Второй взрыв (уже не такой безобидный, как первый) грянул спустя секунд пятнадцать-двадцать, когда она, успев схватить одежду, экипировку и оружие, уже спускалась по наклонному тоннелю в недра древнего бункера, выстроенного (по ее мнению) первыми поселенцами.

Ее путь вел через подземные коммуникации к общественному паркингу с просевшей под давлением земли кровлей. Там, среди ржавеющих остовов старых машин, стоял ее новенький «Акцепт» – внедорожник с форсированной ходовой частью, усиленной подвеской и бронированным кузовом.

Внешне неброская машина, каких полно на многоуровневых городских магистралях, на самом деле прошла серьезную модернизацию, исполненную «под заказ», и уже не однажды выручала Мари из смертельно опасных ситуаций.

Она нырнула во влажный, пахнущий застарелой сыростью тоннель, на бегу застегивая бронежилет и ремни экипировки.

Пробежав метров пятьдесят, она остановилась и прислушалась.

Узкое пространство наклонного коридора отчетливо передавало эхо торопливых, ритмичных шагов.

Слух и интуиция редко подводили Мари.

Вслед за ней по тоннелю спускались два андроида – бывшие ИскИны, с перепрограммированными заново базовыми блоками.

Таких «ребят» содержала на своем балансе колониальная администрация, а значит, ею занялись всерьез.

Дистанция до преследователей резко сокращалась, и Мари, не колеблясь, вскинула оружие, произведя четыре одиночных выстрела.

ИскИнов она убивала без колебаний, если к этим человеческим подобию вообще применим термин «смерть».

Темнота тоннеля не являлась помехой – боевой шлем, оснащенный системами теплозрения и детекторами движения, позволял ей ясно различать противника, и, как следствие, все четыре пули попали в цель: две пробили грудные кожухи дроидов, за которыми прятались основные компьютерные блоки сервомашин, а два последующих выстрела являлись уже контрольными, произведенными скорее по привычке, чем в силу необходимости.

Просто она не любила, когда за ее спиной внезапно вставал поверженный было враг.

В устье тоннеля вновь послышались шаги, и Мари побежала, теперь уже не оборачиваясь на звук, зная, что успеет, тем более что преследователи, судя по всему, не догадывались, куда она направляется.

* * *

Ян Ковальский поднялся на ноги, отряхивая с экипировки дорожную пыль.

Взрыв, которым его вышвырнуло назад, за двери, не причинил капитану особого вреда. Пара синяков не в счет. А вот андроидом, ринувшимся на штурм, досталось, что называется, по «полной программе»: второй заряд, установленный в глубине гостиной, оказался намного мощнее – вкупе с ударной волной атакующие сервомеханизмы получили шквал каленых шариков от подшипников, использованных в качестве поражающего элемента.

Дым толчками выбивало в дверной проем, покосившаяся пластиковая рама сначала оплыла от температуры, а затем по ее деформированной поверхности побежали язычки ядовито-зеленого пламени.

Где-то в глубинах строения, вероятно, на уровне подвала, глухо прозвучали четыре одиночных выстрела.

Кто-то из наших...

Теперь Ян не сомневался – целью акции был человек, имевший непосредственное отношение к событиям десятилетней давности. Кто еще мог действовать так жестко и расчетливо? Их, прошедших тропами недолгой, но ожесточенной схватки с ИскИнами, осталось не так и много – десятка два.

Ян наклонился, подобрал горячий шарик, покатав его на ладони.

Да, попав в ад внезапных боестолкновений, потеряв за двое суток сотни бойцов, они все дошли до определенной грани, за которой наступило внезапное моральное перерождение. В считанные часы оставшиеся в живых молодые ребята учились действовать с такой же бескомпромиссной жестокой расчетливостью, как и их противник, не считаясь с разрушениями, не оглядываясь на последствия, – в ход шли любые подручные средства, а в больном, измотанном рассудке теплилась лишь одна мысль: любой ценой остаться в живых...

Выбросив шарик, Ковальский вошел в дымящийся дверной проем.

От помещения остались лишь посеченные осколками, наспигованные металлом стены. Вся мебель превратилась в щепу, дымящимся ковром устилавшую пол. Человек, установив-

ший двойной заряд, знал не только истинную цену жизни (иначе зачем устанавливать предупреждающую «хлопушку?»), но и умел бороться с сервомеханизмами.

Ковальский грубо оттолкнул почерневший эндоостов андроида и прошел в следующее помещение.

Спальня.

Кровать со смятой, тлеющей постелью, туалетный столик, с которого взрывной волной смело на пол косметические средства, разбившееся зеркало...

Вне сомнений, до сегодняшнего утра здесь жила женщина.

Дурнота, как всегда, накатила внезапно. Следствие давней контузии проявляло себя особенно остро в критические моменты, когда разум вдруг начинал выпадать из реальности. В последнее время приступы почти прекратились, и вот тебе на...

Ковальский стоял, глядя на посеченный осколками туалетный столик, и имя, давно и безвозвратно потерянное, вдруг всплыло из глубин памяти ясным, беспощадным образом.

Мари... Нет... Этого не могло быть. Она погибла. Там, у ворот проклятой энергостанции.

Нет, Ян, шепнул предательский голосок. Она пропала без вести. Ее тело не нашли среди павших. Имя каталось в мыслях, превращая заурядную акцию в болезненный, изматывающий душу абсурд.

Внезапно его чувства нашли выход.

Он уже давно не строил иллюзий по поводу своей «работы».

Ты убийца, капитан. Убийца в законе.

Проклятье. Его легким не хватало воздуха, хотя дым от тлеющей постели и мебели тут был ни при чем. В колониальной администрации знали, что целью сегодняшней акции будет кто-то из выживших, но не захотевших или не сумевших вернуться к нормальной жизни. Куда им было податься? Только сюда, в «запретку».

Здесь сгорели их души. А эти сволочи из колониальной администрации думали списать все на Судьбу, которая, спустя много лет, по роковому совпадению сведет их вместе? Как врагов?

Справедливо ли это?..

В глубине подземных коммуникаций вновь глухо прозвучали одиночные выстрелы, в ответ резко ударила автоматная очередь.

Ян вышел на улицу, поднял забрало боевого шлема и сплюнул на запорошенные пылью бетонные плиты старой дороги.

– Доложить обстановку, – обронил он в коммуникатор.

– Цель потеряна, сэр, – раздался в ответ ровный, не несущий эмоций голос.

Ковальский усмехнулся. Куда уж им, с усеченным программным обеспечением, угнаться за человеком, выстоявшим в боях против *настоящих* ИскИнов.

Он на секунду задумался. Образ Мари, так ярко вспыхнувший в памяти, поблек, будто выцветший снимок... Нет, это не она... Ян отчетливо помнил, как Мари падала, подкошенная автоматной очередью.

И все же тоска уже не отпускала сердце. Любые доводы сейчас звучали неубедительно. Ян устал. Он не мог больше делать грязную работу, а потом, в промежутках между заданиями, угрюмо топить свою совесть в алкогольном дурмане.

Женщина... Может быть, кто-то из бывших жителей агроферм? Они ведь тоже пытались оказать сопротивление...

Наверняка где-то на окраине древнего поселка у нее спрятана машина. Мысль, ища спасения от воспоминаний, вернулась к реальности дня сегодняшнего.

Пара зондов, выпущенных над поселением, несмотря на туман и дым от разгорающегося пожара, быстро вычислят место стоянки.

– Всем отходить! – в разрез собственным мыслям приказал он. – Место сбора у вездеходов.

Он не хотел доводить акцию до логического завершения и прекрасно осознавал это.

Пусть городское начальство катится со своими приказами куда подальше. Да, он долгое время без колебаний обезвреживал тех, кто своими вылазками в запретную зону нес прямую угрозу родному городу. Но это длилось уже не первый месяц и даже не год, его уставшая, избыточная в одиночестве душа, попадая в «запретку», каждый раз ощущала горячее дыхание прошлого, и рассудок, стимулированный воспоминаниями, начинал оценивать реальность совсем не так, как преподносила ее официальная «доктрина безопасности».

Ян, конечно, не сомневался, что вылазки в запретную зону для большинства нарушителей имели в своих истоках исключительно корыстный характер. Но, если уж разбираться по большому счету, то он, «охотник за головами», которому власти предоставили официальную лицензию на уничтожение нарушающих законы лиц, должен был начинать чистку не с тех, кто, рискуя своей жизнью, за гроши совершает вылазки на места прежних боев, а с заказчиков, использующих добытые ими комплектующие и блоки памяти, содержащие бесценную технологическую информацию, в целях личного обогащения.

За истекшие после нашествия ИскИнов годы город начал бурно разрастаться, в нем появились богатые и бедные кварталы, на окраинах выросли такие производства, о создании которых раньше даже и не мечталось. Спрашивается, в чем причина столь резких перемен? Конечно, часть информации и технологий могла быть считана с блоков долгосрочной памяти попавших «в плен» ИскИнов, но в период боев на останки сервомеханизмов обращали мало внимания, а затем, после появления странной инородной растительности, зону вообще закрыли, так что большинство информационных носителей попало в руки нынешних «отцов города» много позже, и они не спешили делиться полученным знанием, напротив, резко поднявшись вверх по лестнице социального благополучия, диктовали остальным условия существования...

...Пока Ян размышлял над развитием послевоенной ситуации, из недр горящего здания появились семь андроидов.

Семь из двадцати.

Учитывая баснословную стоимость сервомеханизмов, которых пока что не удавалось поставить на производственный поток, его, как командира группы, ожидали серьезные неприятности, но Ковальский сейчас смотрел на ближайшие перспективы через призму внезапно и болезненно очнувшейся души.

В следующий раз будут думать, прежде чем устраивать охоту на людей, которые своей кровью спасли их...

– По машинам! – отдал он короткий приказ. – Возвращаемся в город.

* * *

Мари испытала откровенное недоумение, когда увидела, как два военных вездехода выползли на окраину поселка, достигли дорожной развязки и взяли направление на город.

Почему они прекратили преследование?

Она облокотилась о руль «Акцепта», наблюдая за удаляющимися точками в сканирующую оптику, связанную с бортовым компьютером машины.

Излучение сканеров без труда проникало сквозь броневую защиту, высвечивая тепловые контуры пассажиров.

Семь сервомеханизмов и один человек.

Она машинально проверила запись, которую вел компьютер «Акцепта».

Никаких сигналов дальней связи зафиксировано не было, значит, решение о прекращении операции не пришло из города, его принял человек, а именно – командир боевой группы.

Кто он?

Мари, конечно, не могла знать поименно всех «охотников», которые контролировали запретную зону, отслеживая и уничтожая тех, кто регулярно проникал на зараженные территории, но она была отлично осведомлена о способах их действий и о той патологической ненависти, которую испытывали «охотники за головами» к своим жертвам.

Что-то не складывалось в ее сознании. Существовала неувязка, которую следовало выяснить. Вряд ли потери среди сервомеханизмов могли остановить командира группы. Машины, в конце концов, можно восстановить, благо стараниями «черных археологов» запасных частей в городе хватало с избытком. Нет, причина явно крылась в чем-то ином.

Единственное, что могла сделать Мари в данный момент, – это запеленговать личный маркер человека и записать его шифр.

Ее план, спонтанно возникший в эти мгновения, был прост: вечером она побывает в городе и, пользуясь поисковыми системами, определит его местонахождение. Если повезет, то она сможет поговорить с ним, не раскрывая своего инкогнито. Мари не сомневалась: после полученной во время штурма «встряски» и выволочки от начальства за откровенно проваленную операцию он непременно заглянет в какой-нибудь бар.

Ею двигало не столько любопытство, сколь насущная необходимость в информации. Яростный штурм, да и само количество механических бойцов, посланных на ее уничтожение, говорили о серьезности намерений власть предержащих разделаться с нею тем или иным способом. Этому должно быть разумное объяснение, учитывая, что она не работала ни на одного из городских дельцов, да и вообще жила сама по себе, редко покидая пределы запретной зоны. Ее интересы никак не пересекались с бурно развивающимся в последние годы бизнесом, и тем более непонятно выглядела попытка ее уничтожения и внезапное, ничем не обоснованное отступление отряда, который хоть и потерял половину бойцов, но все же мог выполнить поставленную задачу.

Такое количество вопросов и откровенных неувязок оправдывало рискованную вылазку в город. В конце концов, она давно собиралась побывать там – нужно было обменять часть накопившегося «товара», чтобы пополнить запасы продовольствия и боеприпасов.

Заглушив двигатель «Акцепта» и погрузившись в собственные мысли, она долго проводила взглядом темные точки вездеходов, пока те совсем не исчезли из вида.

Наступало утро.

Солнце уже поднялось над линией горизонта, пробиваясь ярким пятном сквозь пелену облачности, осенний воздух был теплым и особенно прозрачным, легкий ветерок гнал по старым бетонным плитам дорожного покрытия шуршащую, пожухлую листву...

Вот так и моя жизнь... – внезапно подумалось Мари. – *Однажды она пожухла, скорчилась и больше уже, наверно, никогда не зазеленеет свежим побегом...*

От подобных мыслей на душе стало горько.

* * *

Начинало смеркаться, когда внедорожник Мари миновал первый из блокпостов, выставленных на всех дорогах, ведущих к бурно развивающемуся мегаполису.

Раньше, сразу после внезапного нашествия ИскИнов, меры безопасности были куда более строгими (сейчас у нее лишь визуально проверили удостоверение личности, даже не удосужившись отсканировать его на предмет подлинности).

Да и город, десять лет назад представлявший собой огромный цокольный этаж, окруженный сельскохозяйственными угодьями, сильно изменился. После того как сюда стеклись беженцы со всей округи, население резко возросло, породив вполне понятные проблемы.

Первый год после нашествия ИскИнов выдался особенно трудным – над зародышем мегаполиса постоянно витала угроза голода, эпидемий и массовых беспорядков, сотни тысяч сельчан, изгнанных с родных мест непонятной серебристой растительностью, легко поражавшей своими спорами людей и животных, оказались на положении нищих, бездомных и безработных. Страшные события в один миг сломали привычный уклад жизни, обездолив и озлобив бывших фермеров.

Естественно, что управлению колониальной администрации, исторически базировавшейся в городе, пришлось решать глобальные проблемы – ситуация вынуждала к немедленным действиям, и спустя полгода пространство между палаточными городками беженцев стало постепенно превращаться в невиданные строительные площадки. Вместо привычных двух-трехэтажных домов там начали расти настоящие исполины, высотой в двадцать – двадцать пять этажей.

Таких домов еще никогда не строили, и поначалу здания пугали своими размерами, казалось, что при первой же непогоде они просто рухнут, но скептики ошиблись – небоскребы успешно росли, как грибы после теплого дождя, беженцы, готовые вот-вот взбунтоваться против остальной, более обеспеченной части городского населения, получили работу, а следовательно, и средства к существованию, – все изменилось как-то разом, внезапно, будто по волшебству, но тайну этих перемен, спасших многие тысячи жизней, свято хранили новоявленные фирмы, ставшие инициаторами масштабного строительства. Никто не знал, откуда в руках архитекторов, инженеров и строителей оказались неведомые ранее технологии. Об этом много говорили, но правду, по сути, не знал никто, кроме нескольких десятков посвященных. Остальные могли лишь строить гипотезы, связывая взрывообразный прогресс в различных областях промышленной деятельности с некими таинственными базами данных, якобы найденными в недрах цокольного этажа, среди живущих своей жизнью автономных кибернетических систем.

И никто почему-то не связывал наступившие перемены с внезапным нашествием ИскИнов...

Хотя, возможно, и связывали... но предпочитали молчать, ибо официальная пропаганда в народившихся средствах массовой информации даже вскользь не упоминала об искусственных человеческих подобиюх, едва не уничтоживших все живое.

Так или иначе, но Мари относилась к тем немногим, кто знал правду, – не существовало никаких мифических баз данных, – вся информация, давшая импульс развития мегаполису, была почерпнута из блоков долгосрочной памяти ИскИнов, чьи аппаратные средства оказались совместимы с компьютерным оборудованием, установленным в управлении колониальной администрации. Именно из блоков ПЗУ враждебных всему живому механических существ была получена основная информация о технологиях, позволивших сотням тысяч человек не просто выжить, но и перейти на качественно новый уровень развития...

– ...Спасибо, офицер. – Мари забрала удостоверение личности из рук начальника охраны. Она уже коснулась сенсора стеклоподъемника, когда тот, покосившись на нее, спросил:

– Что вы делали за городом?

Мари безропотно достала еще один документ, свидетельствующий о том, что ей, по указанию городских властей, разрешены биологические исследования в сопредельных с зараженными участками зонах.

– Вы пересекали границы «запретки»?

– Нет. Но защитный костюм при мне, можете удостовериться. – Мари коснулась сенсора на приборной панели, и крышка багажного отделения «Акцепта» послушно поднялась вверх,

продемонстрировав запасное колесо, стандартный набор инструментов и кофр с защитным костюмом.

Накрапывал мелкий нудный осенний дождь, и офицер (уже порядком промокший) махнул рукой, возвращая Мари оба удостоверения:

– Проезжайте.

* * *

Город появился внезапно: из-за хмари дождя вдруг начали проступать размытые пятна света, образующие сияние, освещающее низкие, гонимые ветром тучи. Затем из общего зарева начали выделяться отдельные очаги света; теперь Мари без труда различала ярко освещенные улицы окраинных кварталов, плавно изгибающиеся, перетекающие одна в другую автомобильные магистрали, по которым двигались бесконечные потоки огней, – час пик уже миновал, но в бурно развивающемся мегаполисе за последние годы появилось огромное количество машин, так что движение по основным магистралям прекращалось разве что глубокой ночью, да и то не всегда.

Свернув на знакомой дорожной развязке, она влилась в общий транспортный поток, следуя в северо-западном направлении. Почти час понадобился ей, чтобы пересечь окраину мегаполиса. Глядя на множество новостроек, она не испытывала резких чувств – подавляющая часть населения колонии не была повинна в ее судьбе, глупо и жестоко упрекать всех и каждого в собственном горе.

Хотя могла ли она назвать свою жизнь горем?

Выбор. Сделав его однажды, она сама провела незримую черту между собой и остальными людьми, так что ж сетовать теперь? Тем более что Мари прекрасно понимала – город не дал бы ей и сотой доли того, что давала жизнь в запретной зоне. Здесь она неизбежно превратилась бы в рабу системы, а там, несмотря на лишения и опасности, сама выбирала свой путь...

...Остановив машину у неброского фасада одного из сохранившихся среди новостроек старинных зданий, она вышла под моросящий дождь, открыла багажник, достала оттуда увесистый кофр, предназначенный для костюма биологической защиты, и, подойдя к дверям, трижды позвонила особым, известным ей образом.

Под решеточкой домофона трепетно зажглась зеленая искра.

– Кто там? – осведомился хриплый голос.

– Ромер, открывай. Есть дело.

Едва слышно щелкнул электрозамок, и Мари, толкнув дверь, вошла в просторный вестибюль здания.

Здесь тоже была проведена некоторая реконструкция, например, появился лифт, и теперь уже не нужно было тащиться на пятый этаж по ступеням старой истертой лестницы.

Квартира, куда она вошла спустя несколько минут, не отличалась ни изяществом убранства, ни иными видами комфорта. Скорее она напоминала временный склад, совмещенный с неряшливым офисом.

Человек, встретивший ее у дверей, оказался мужчиной средних лет с лохматой, нечесаной шевелюрой, глубокими морщинами на рано обрюзгшем, постаревшем лице и вечно подергивающейся от нервного тика щекой.

– Давненько ты не появлялась, – вместо приветствия произнес он, зачем-то выглянув за дверь в пустой коридор этажа.

– Все нормально, Ромер, расслабься. Хвоста за мной нет.

– А мне откуда знать? – резонно возразил хозяин квартиры, затворяя массивную металлическую дверь с надежными ригельными замками. – Нынче отдел по борьбе с внешними угрозами уже не тот, что прежде. Зверствуют.

– В смысле? – Мари поставила на пол тяжелый кофр, нашла взглядом пустующее кресло и уселась в него, закинув ногу на ногу. – Я что-то не заметила особо пристального контроля на въезде.

– А, – махнул рукой Ромер, – На блокпостах вечно сидят лохи. Случись что – позлобствуют пару дней и снова успокаиваются. Рутинка. Сейчас много народу за город выезжает, правительство расширило границы безопасной зоны. Так что им каждую машину проверять, как встарь, – замаешься. А вот на местах ребята не дремлют. Новое поколение подросло, чем их там в школах пичкали, неведомо, но больно злые. Об ИскИнах знают только по книгам да фильмам, но ведут себя нагло. Горю не хлебали, вот и выпендриваются.

– Это ты о службе внутренней безопасности? – усмехнулась Мари.

– О них, о ком же еще? – Ромер склонился над привезенным ею кофром, набрал код и щелкнул замками. – Ого... – присвистнул он, увидев аккуратно упакованные блоки долгосрочной памяти. – Стандартные или эксклюзив? – подняв взгляд, осведомился он.

– Всего понемногу. Пятьдесят на пятьдесят примерно. Будешь проверять или поверишь на слово?

– Тебе поверю, – кивнул хозяин квартиры, закрывая крышку контейнера. – Плата будет обычной. Или у тебя есть условия?

– Есть. Кроме денег, мне нужен один прибор. Только не говори, что у тебя его нет.

– Что именно? – мгновенно насторожился Ромер. Его щека вдруг задергалась чаще, чем обычно.

– Полицейский сканер, – ответила Мари. – С функцией пеленгации личных датчиков.

Ромер, кряхтя, выпрямился, ожег посетительницу мутным взглядом, в котором проступила плохо скрытая искорка алчности, и спросил:

– Ты хоть знаешь, сколько он стоит?

– Не дороже денег, – равнодушно пожала плечами Мари.

– Ладно. Это обойдется тебе в тридцать процентов товара.

Она не стала спорить, хотя названная цена была откровенно грабительской. Но, в конце концов, она приехала сюда не столько ради денег...

– Давай, Ромер, только не тяни. У меня еще масса дел.

Он пожал плечами, направляясь в соседнюю комнату, где имелся сейф.

– Ты что, завалить кого-то решила? – раздалось оттуда его ворчание. – На киллера пере-квалифицируешься? Сейчас это модно... Выборы тут решили провести, так что ни день – то труп в новостях. Совсем народ одичал.

Мари сидела в кресле, не обращая внимания на болтовню Ромера. Скупщик товара, нелегально доставляемого из запретной зоны, вполне мог бы уже перестать бояться всех и вся – насколько она знала, откупиться от властей не так уж и сложно, но, видно, тут сказывалась натура человека – жаден он был до безобразия, вот и прозябал до сих пор в своей дыре с непроходящим нервным тиком.

– Ромер, мне некогда.

– Да иду я, иду... Вот, держи.

Мари взяла пухлую пачку мятых банкнот, не считая, положила их в сумочку и с интересом принялась рассматривать сканер. Такой модели она еще не видела, прибор был явно новейшего образца, компактный, уместившийся на ладони, с миниатюрным дисплеем и несколькими портами для подключения к стационарным кибернетическим устройствам.

– Чистый? – осведомилась она.

– Обижаешь. Неужто я стану рисковать? – Ромер даже усмехнулся такому предположению. – Все оборудование у меня прямо с завода. Нигде не учтено и не засвечено.

– Отлично. – Мари отправила сканер вслед деньгам.

– Как, сама с ним разберешься или инструкцию дать?

– Разберусь. – Она встала. – Ты уже забыл, что я тут была?

– Разумеется, – с энтузиазмом кивнул Ромер, подавая ей точно такой же кофр, с каким пришла к нему Мари. – Там внутри костюм биологической защиты. На всякий случай. Бонус от старого друга, – добавил он, открывая двери.

Мари лишь улыбнулась краешком губ.

Друзей у нее не было. Все, чем она дорожила, осталось в далеком невозвратимом прошлом.

Когда за спиной, чавкнув уплотнителем, мягко закрылась массивная дверь, она испытала чувство внутреннего облегчения, будто только что выбралась из грязной крысиной норы.

Впрочем, это ощущение лишь промелькнуло на периферии сознания и тут же исчезло. Не в ее привычках судить людей. Раньше она грешила этим, но все перевернула и расставила по-другому война – тот страшный, длинный, словно жизнь, *день*... двенадцать часов, за которые она заново научилась ненавидеть и любить, обрела совершенно иные ценности, определившие новое мировоззрение.

Мировоззрение, не подходящее для проживания в городе.

* * *

Сев в машину, она отъехала пару кварталов от дома Ромера и, лишь найдя пустой паркинг, подле уже закрывшегося супермаркета, остановила «Акцепт», но не стала глушить двигатель, с таким расчетом, чтобы при малейшем чувстве опасности, не разворачиваясь, влиться в транспортный поток пролежавшей в десятке метров оживленной магистрали.

Достав из сумочки полицейский сканер, она включила прибор, активировав функцию удаленного доступа через порт инфракрасной связи.

Когда бортовой компьютер ее машины определил работу нового оборудования и автоматически транслировал поступающие с него данные на основной навигационный дисплей, Мари аккуратно положила прибор на пассажирское сиденье, поближе к спинке (чтобы не слетел при резком торможении), затем вручную ввела записанный при сканировании бронемашин личный код командира группы.

Ждать не пришлось вообще – секундой позже на карте города появился алый точечный маркер.

Мари увеличила участок, откуда поступал сигнал. Она опасалась, что подробная раскладка покажет на один из недавно построенных многоквартирных домов, что серьезно усложнило бы задачу, – ей хотелось пообщаться с незнакомым человеком, не привлекая особенного внимания ни с его стороны, ни со стороны окружающих, а осуществить такой план можно лишь в общественном месте, где случайное знакомство не вызовет подозрений. Звонить в двери квартиры, рискуя нарваться на негостеприимный прием, она не собиралась, тем более что у незнакомца могла оказаться семья...

Нет, слава богу, она не ошиблась в своих предположениях: еще раз укрупнив изображение, она увидела поясняющие надписи. Алый маркер располагался посреди длинного прямоугольника, рядом с которым мигала надпись: «Ночной клуб „Эверанс“, подуровень „С“, ресторанный зал».

Что ж... Это даже к лучшему.

Мари успокоилась. Затемнив стекла «Акцепта», она потянулась к заднему сиденью, подняла его, извлекая пакет с одеждой.

Спустя несколько минут неудобного переодевания, она взглянула на свое отражение в лобовом стекле машины.

Вечернее платье сидело на ней безукоризненно, длинные перчатки (до локтя) скрывали от посторонних глаз несколько серебристых пятен на коже... Мари перевела взгляд ниже. Чуть

полноватые бедра несколько портили ее стройную фигуру, но если слегка ослабить пояс на талии, то неизбежная плата за скрытое ношение оружия переставала бросаться в глаза.

Мягкие накладки на внешней стороне бедер скрывали два автоматических пистолета, полностью изготовленных из пластика. Патроны в десятизарядных обоймах также являлись полимерными, что снижало пробивную способность пули и дальность стрельбы, но зато оружие не мог обнаружить ни один стандартный детектор.

Закончив осмотр, Мари сняла затемнение стекол и вывела машину с пустого паркинга, влившись в транспортный поток.

Алый маркер призывно мерцал на навигационном дисплее.

Глава 2

Меганполис. Настоящее...

Ночной клуб «Эверанс» занимал первые два этажа недавно возведенного небоскреба.

Площадка перед входом была забита машинами, и Мари пришлось долго искать место для парковки, учитывая, что она никогда не ставила свой «Акцепт» как попало, – в городе на этот счет действовало железное правило: машина должна быть развернута так, чтобы в случае непредвиденных осложнений не плутать между другими автомобилями, а сразу, по прямой, выйти на ближайшую магистраль.

Наконец, она нашла подходящее место.

Минуту спустя, заглушив двигатель, она в последний раз взглянула на максимально укрупненную схему ресторана, чтобы безошибочно определить местоположение столика, за которым сидит объект. Мари отключила сканер, спрятала его под сиденье и вышла под морось осеннего дождя.

На улице было тепло и влажно, призывно сияли рекламные огни у отдельного входа в казино и на площадку танцпола, вход в ресторан, расположенный левее, имел менее претензионную световую иллюминацию, из чего Мари сделала предварительный вывод: место, несмотря на шумное соседство танцевальных залов и игорного заведения, должно быть тихим и малолюдным.

Любезно улыбнувшись двум бугаям у входа, которые откровенно прошлись по ней взглядами, словно раздевая ими донага, она поняла, что не ошиблась – за автоматически открывшимися дверями располагалось небольшое фойе, из зала ресторана лилась тихая музыка, которую не перекрывал ритмичный грохот танцпола.

Странное место для «охотника за головами», подумалось Мари.

Она достаточно хорошо знала данную категорию людей, чтобы удивиться такому выбору места уединения.

Похоже, он не законченный отморозок... – успела подумать Мари, пока ее взгляд скользил по обстановке зала в поисках нужного столика.

Ага, вот он.

Незнакомец сидел спиной ко входу, что сразу же насторожило ее. Настоящий профессионал никогда не сядет подобным образом, разве что поблизости от него есть зеркальная панель, где можно увидеть отражение происходящего за спиной.

Мари задержалась у входа лишь на пару секунд, затем, обежав взглядом зал и как будто бы сделав выбор, направилась к избранному столику.

– Не возражаете, если я нарушу ваше одиночество? – Она подошла сбоку, томно, эффектно обернувшись, и...

Кровь отлила от ее лица, глухими толчками ударив в виски.

Нет... Этого НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!...

Мгновенный шок стремительно превращался в ступор, она впервые за последние годы отчаянно не находила выхода из внезапной ситуации. Сердце бешено молотило в груди, а она не могла отвести взгляд от знакомых черт лица...

За столиком сидел Ян.

Постаревший, очень усталый и уже изрядно выпивший.

Она не успела ничего предпринять – он поднял взгляд, и смертельная бледность пятнами проступила на лице капитана Ковальского, глаза, только что затуманенные алкоголем и невеселыми мыслями, вдруг прояснились, словно хмель выдуло у него из головы от мгновенного узнавания.

– Мари?!.. – полушепотом выдавил он, едва удержавшись от изумленного восклицания. Она села.

А что оставалось делать в данной ситуации, когда их глаза уже встретились, а к столику, заметив посетительницу, спешил официант.

– Молчи, Ян. Да, это я...

Мари развернула меню, старательно не обращая внимания на Ковальского, который стремительно трезвел, не отводя от нее взгляда. И в этом взгляде на смену изумлению пришла боль, такая очевидная и отчаянная, что Мари не смогла выдать ни слова в ответ на вопросительный взгляд официанта, лишь молча указала ему на избранные наугад строки.

Первым затянувшуюся паузу нарушил Ян.

– Зачем ты пришла, Мари?.. – хрипло спросил он.

– Извини, не думала, что встречу тебя. Хотя могла бы догадаться... Кто еще остановился бы на полпути...

Их взгляды медленно оттаивали. Первый шок от внезапной встречи уже начал проходить, и теперь оба вдруг поняли, что не знают, с чего начать разговор, да и о чем говорить вообще?

Судьба развела их по разные стороны баррикад и долгие годы держала на удалении, в милостивом неведении, хотя вряд ли среди окружающих нашлись бы еще два человека, которые были так близки и дороги друг другу.

Память. С ней ничего не поделаешь, она, как лесной пожар, тускнеет, гаснет, подергивается пеплом, но тлеет внутри... и стоит только дунуть шаловливому ветерку, как яростное пламя воспоминаний вдруг вырывается из-под обугленной, сотни раз сгоревшей дотла земли...

Прошлое...

Стоял жаркий июньский полдень.

Мари шла по лесной тропе, круто забирающей вверх к вершине пологого холма, где хвойный лес уступал место кустарниковым зарослям.

На душе молодой выпускницы колониальной академии было в этот час спокойно и радостно. Жизнь казалась простой и ясной, она лежала на ладони, как пойманный на лету мягкий пушистый шарик ивового пуха...

Действительно, что может заботить двадцатилетнюю девушку, фактически окончившую биологический факультет престижного учебного заведения? Сейчас Мари находилась на преддипломной практике, занималась интересным, можно даже сказать – любимым делом, впереди ее так же ожидали только приятные, радужные перспективы. Шагая по лесной тропе, она думала о ближайшем будущем, мечтая о том, как будет исследовать природу родного мира, совершать открытия, иногда к подобным мыслям примешивались иные, более личные чувства, когда прихотливое сознание вдруг перескакивало с перспектив профессиональных на более прозаические, но нужно сказать – такие же приятные, радужные мысли – в свои двадцать лет она уже дважды была серьезно влюблена, и последнее увлечение казалось ей настоящим глубоким чувством...

...Где-то в кустах защелкала и тут же вспорхнула испугнутая пичуга.

Птицы в окружающей город биологической зоне все еще являлись редкостью. Выращенные на специальных зоотехнических фермах, они, как правило, не боялись людей.

Мари остановилась. Она поднималась к вершине холма, чтобы проверить установленные накануне приборы. Сегодня ветер дул со стороны безжизненных вулканических равнин, и ей пришлось надеть плотно облегающий тело костюм химической защиты. Экипировка не стесняла движений и, вкупе с мягким, закрывающим голову и лицо шлемом, надежно предохраняла от приносимых ветром ядовитых испарений, возможных форм вредного излучения (неизвестно, какие элементы выделялись из магматических масс) и других опасностей.

...Оглядевшись вокруг, девушка поняла, что, замечтавшись, свернула не на ту тропу. Местность вокруг показалась ей совершенно незнакомой: тут явно велись какие-то земляные работы, – преграждая путь, тянулась глубокая узкая траншея с отвалами свежевырытой земли по краям. Другая подобная выработка располагалась метрах в пяти от первой, и так до самого ската холма, словно в течение ночи кто-то тщательно перерыл весь гребень возвышенности.

Глядя на свежие отвалы почвы, вывороченные с корнем кусты, листва на которых уже начала увядать, Мари испытала удивление и досаду.

Она не успела толком ни рассердиться, ни понять, что же происходит на возвышенности посреди глухого лесного массива, когда раздался треск ломаемых ветвей, которым вторило низкое утробное урчание какой-то машины.

Мари инстинктивно попятилась, отступив под прикрытие нетронутой полосы кустарника. Ею овладела странная оторопь – не то чтобы она боялась или не сталкивалась ранее с автономными механизмами, но раздавшийся гул почему-то показался ей зловещим...

Несколько секунд спустя на прогалину, образовавшуюся в районе длинного шурфа, выполз приплюснутый, напоминавший черепаху механизм, который двигался в сопровождении двух незнакомцев, облаченных в странную, похожую на мешковатые робы одежду.

Мари едва не совершила роковую глупость, собираясь окликнуть их, потребовать немедленного объяснения – за какой надобностью они погубили столько растений?!

От необдуманного шага ее удержало все то же чувство необъяснимой тревоги, а мгновением позже, внимательно присмотревшись к людям, она с внутренним содроганием поняла: не люди это вовсе, а человекоподобные машины, по-иному – андроиды. До этого видеть их ей доводилось лишь в старинных видеозаписях, понять которые не мог ни один историк. Очевидным из кадров видеохроники было лишь одно, – человекоподобные машины, непонятно кем и с какой целью созданные, однажды уже натворили немало бед. Записи, сохранившиеся в архивах, являлись обрывочными, несистематизированными, по ним не удалось даже определить местность, где происходили давние события.

Девушку охватила бесконтрольная дрожь.

Она не знала, откуда, с какой целью пришли андроиды, но, вероятно, именно они за одну ночь разворотили вершину холма, проредив кустарник и проложив непонятные шурфы.

Пока она в ужасе и оцепенении рассматривала человекоподобные механизмы, приплюснутый аппарат дополз до конца траншеи и начал разворачиваться, двигаясь к следующей зияющей в земле ране.

Андроиды, не обращая внимания на его действия, остановились в нескольких метрах от Мари.

Они были до дрожи похожи на людей, и в то же время сотни мелких деталей выдавали их нечеловеческую сущность.

Было невыносимо страшно смотреть на эти подобию, осознавая, что древние записи – это не фальсификация, не вымысел, а значит...

Один из андроидов резко повернул голову в ее сторону, и тут же его руки пришли в движение: оказывается, за спиной человекоподобной машины было закреплено оружие, ремень которого перечеркивал синюю, кое-где испачканную землей робу, скроенную в форме удобного, не стесняющего движений комбинезона.

– Стой на месте! – раздался чуть дребезжащий, лишенный каких-либо интонаций голос машины.

У Мари все оборвалось внутри.

Еще ни разу в жизни она не испытывала такого парализующего ужаса, когда невозможно шевельнуть ни рукой, ни ногой, а собственное тело кажется абсолютно чужим, одеревеневшим, неподвластным воле рассудка.

Спустя секунду бежать уже было поздно – андроид направил на нее какое-то автоматическое оружие, ясно обозначив свои далеко не мирные намерения.

Сознание девушки в эти роковые секунды билось, словно птица, попавшая в клетку, она одновременно ощущала и парализующий ужас, и страстное, граничащее с умопомрачением желание бежать.

Все это, вместе взятое, выразилось лишь в одном действии – ее взгляд впился в крупные буквы, проштампованные на ствольной коробке нацеленного ей в голову автомата: «Абакан-12. Произведено в России. Адаптирован для использования в условиях Марса».

– Где расположена ближайшая энергостанция? – ворвался в ее мысли тот же, чуть дребезжащий на высоких нотах голос. – Отвечай.

Отвечай... – слово эхом метнулось в опустевшем рассудке, и мгновенно пришли иные ощущения тела, – ноги вдруг стали подкашиваться.

– *Отвечай, иначе я тебя убью?*

Такое просто не могло происходить. Для этого не было ни одной причины. Все казалось дурной фальсификацией, тяжелым сном.

Мари не понимала, что случилось с привычным миром, до нее не доходило, какую смертельную, отчаянную глупость она совершает, но, не сказав ни слова в ответ на требование человекоподобной машины, она вдруг, неожиданно для себя, бросилась прочь, вниз по склону, не обращая внимания ни на что – ни на хлещущие по лицу и рукам ветки кустарника, ни на сухой щелчок взводимого электромагнитного затвора, и только оглушительный грохот короткой автоматной очереди, полыхнувшей ей вдогонку, заставил инстинктивно пригнуться на бегу...

Она тут же споткнулась, потеряла равновесие и кубарем покатилась по склону, рискуя сломать себе шею, но звуки за спиной заполняли собой все сущее, в них тонули и страх, и рассудок: еще одна очередь ударила вдогонку, пули с мягким стуком вонзались в перегной, с резким визгом подрубали ветки, одна из них просвистела буквально в паре сантиметров от головы, обдав висок горячим порывом воздуха, и Мари, не выдержав, закричала громко, в надрыв, не понимая, откуда у нее взялись силы, чтобы вскочить и снова бежать напролом, к спасительному ельнику, за которым начиналось сосновое редколесье...

* * *

Пять километров до ближайшего поселка она пробежала, не помня себя от испытанного ужаса.

Ее ноги подкосились у крайнего дома – упав, она продолжала кричать, не в силах остановить рвущиеся из пересохшего горла звуки.

Кто-то пытался ей помочь, отовсюду к окраине поселка бежали люди, а она билась в руках подоспевших медиков, не в состоянии произнести что-то членораздельное, лишь ее глаза, полные невысказанного ужаса, по-прежнему смотрели в сторону виднеющейся отсюда вершины холма, да правая рука в судорожном жесте вырывалась из сильных мужских пальцев, указывая в том же направлении.

Минутой позже она почувствовала, как что-то дважды укололо ее в плечо, и мир вокруг начал стремительно терять краски.

Настоящее...

– Ничего не говори, Ян. Умоляю, ни слова...

К столику вновь приближался официант.

Пока он заново сервировал стол, они молчали, страхась выдать свое обоюдное смятение.

Уйти невозможно. Их взгляды уже встретились, первый всплеск памяти заставил расширяться зрачки, а опыт прожитого нашептывал что-то про невероятный случай, смертельную опасность, но он был тих и невнятен по сравнению с ураганом мыслей и чувств, что вырвались на волю из узилищ разума, обжигая их души...

– Я думал сегодня утром о тебе, Мари. – Голос Яна звучал тихо, но ей казалось: на фразу должны обернуться все посетители за ближайшими столиками.

Нет, все спокойно. Только мелко, непривычно дрожат кончики пальцев под тонкой лайкрой перчаток.

– Ты знал, что я выжила?

– Нет. Если бы знал...

– То нашел бы раньше?

Глаза Ковальского сузились.

– Мари, а ты знала, что я жив?

– Нет, Ян. Иначе не ломала бы голову над тем, кто оказался столь человечен.

– Ты издеваешься? Человечен... – Он горько усмехнулся краешком губ. – Ты ведь понимаешь, чем я занимался все эти годы?

Она еще не притронулась к еде.

– Ян, среди нас нет святых, – тихо ответила она, положив вилку на стол и накрыв ее ладонью. – Трудно предсказать, кем бы стала я...

– Ты не вернулась в город. – Ян поймал ее взгляд и вдруг понял, что тонет в расширившихся зрачках Мари. Господи, это была она. Мир вокруг блек, терял краски, реальность закручивалась в спираль искажений.

Он как будто тонул в омуте и не хотел сопротивляться.

Мари медленно приходила в себя.

Она лежала у окна, на больничной койке, глаза все еще слипались, кружилась голова, но звуки, проникающие в помещение одноместной палаты, тревожили очнувшийся рассудок, не давая ему вновь погрузиться в спасительные объятия беспамятства.

За окном, лязгая гусеницами, медленно ползли две планетарные машины, вслед которым двигалось несколько десятков вооруженных людей в темной камуфлированной униформе.

Их вид внушал невольное уважение – Мари сразу поняла, что к злополучному холму выдвигается одно из элитных подразделений, поднятое в городе по тревоге.

Глядя на экипировку бойцов, чьих лиц не было видно за дымчатыми забралами сферических шлемов, Мари должна была бы успокоиться, но ее вдруг охватил безотчетный страх, граничащий с чувством отчаяния.

Она провожала взглядом двигавшийся вдоль улицы поселка отряд, а в носу предательски пощипывало, подбородок мелко подрагивал, будто все самое страшное ждало ее впереди...

Не выдержав, она все-таки разревелась.

Легче от этого не стало, лишь прибежала медсестра, но не с очередной порцией успокоительного, как ожидала Мари: вслед за женщиной в белом халате в палату вошел боец из того отряда, что только что прошел под окнами сельской больницы.

Сняв шлем-сферу, он присел на стул.

– Мари, это лейтенант Ян Ковальский. Он хочет поговорить с тобой.

Она повернула голову, почему-то стыдясь своего заплаканного вида.

Командиром спецподразделения оказался ее ровесник, ну, может быть, года на два-три старше, в двадцатилетнем возрасте такие различия мало заметны. Его светлые волосы были коротко острижены, юное, загорелое лицо выглядело мужественным, по крайней мере, он сохранял спокойствие и собранность, не выдавая волнения, а в том, что оно было, Мари практически не сомневалась.

– Командование поручило мне разобраться в возникшей ситуации, – без каких-либо предисловий начал он разговор по существу. – Мне известно, что вы встретились с человекоподобными машинами, и те требовали от вас выдать определенную информацию, верно?

Подбородок Мари опять предательски дрогнул. Мгновенья ужаса засели глубоко в сознании как заноза, и она ничего не могла с этим поделать.

– Они хотели убить меня, лейтенант... – дрогнувшим голосом произнесла она.

– Успокойтесь, Мари. Ничего, что я называю вас по имени? Мы здесь для того, чтобы защитить поселок. Все будет хорошо, вот увидите. Расскажите, как выглядели они, чем были вооружены, что делали на вершине холма?

Мари кивнула.

– Сейчас. Извините.

Она отвернулась к окну, собираясь с духом. А затем начала рассказывать, сбивчиво излагая суть произошедших с нею событий.

* * *

Выйдя на крыльцо небольшой сельской больницы, обслуживавшей несколько близлежащих агропулов, Ян достал устройство связи, выданное ему перед заданием.

На вызов ответили сразу же. Связь шла через спутник.

– Лейтенант Ковальский вызывает координатора.

– Да, Ян, это Нагаев. Тебе удалось что-нибудь выяснить в поселке?

– Немного, сэр. По словам девушки, она накануне оставила на вершине холма оборудование метеорологического контроля и шла снимать его показания. Вчера холм выглядел как обычная возвышенность, сегодня же она увидела множество шурфов и столкнулась с человекоподобными механизмами, которые были вооружены автоматическим оружием.

– Они напали на нее?

– Не знаю, как ответить... Андроиды потребовали от Мари Лерман информацию о местоположении ближайшей энергостанции. Девушка перепугалась и бросилась бежать, тогда сервомеханизмы открыли огонь на поражение.

– Она ранена?

– Нет, лишь сильно напугана. Думаю, ей просто повезло, – вряд ли робот мог сознательно промахнуться.

– Она сообщила какие-нибудь особенные подробности?

– Да. Помимо общего описания механизмов, которое, по моей оценке, совпадает с имеющимися в архивах записями, она успела прочесть надпись, отштампованную на детали автомата. Модель «Абакан», – при этих словах Ковальский покосился на свой автомат той же самой модификации.

– Так в чем странность, лейтенант?

– Там было продолжение надписи. Буквально: «Адаптировано для применения в условиях Марса». Могу я задать вопрос?

– Да, лейтенант, спрашивайте.

– Что такое Марс, сэр? Я никогда не слышал такого слова.

– К сожалению, я тоже, – ответил полковник Нагаев. – В общем, так, лейтенант, слушай боевую задачу. Одно отделение оставишь на охране поселка. Пусть парни зароятся в землю, сам лично распредели позиции, боевые машины расположи так, чтобы их огонь был максимально эффективен. После этого с оставшимися людьми начнешь разведку возвышенности. На рожон не лезь, необходимо выяснить количество механизмов, и главное – цель их прибытия. В случае попытки продвижения с их стороны в глубь наших территорий обороняешь поселок и блокируешь дорогу к энергостанции. Все понятно?

– Так точно. – Ковальскому было немного обидно, что ему, как ребенку, втолковывают прописные истины относительно элементарной диспозиции. – Все будет исполнено. О результатах разведки доложу.

– Будь осторожен. Ты слышишь, Ян? ОСТОРОЖЕН.

– Я понял.

– Тогда до связи.

* * *

Пока в Управлении колониальной администрации шло секретное совещание, которым руководил все тот же Нагаев, взвод Яна Ковальского, соблюдая все меры предосторожности, выдвигался в сторону возвышенности.

Лейтенант с большим трудом сохранял самообладание – участие в немногочисленных полицейских акциях не имело ничего общего с предстоящими действиями: ни у него, ни у бойцов группы на самом деле не было реального боевого опыта. Раньше Ковальский не задумывался над подобными вопросами вообще, войны, столкновения с вооруженным противником (тем более с механизмами) до сегодняшнего утра являлись лишь теорией, обязательной, но не до конца понятной дисциплиной, которую они изучали и сдавали квалификационной комиссии.

В учебниках по тактике ни строчки не говорилось о том, как глухо и неровно бьется сердце в ожидании *неведомого*, как приходится вести постоянный мысленный диалог с самим собой, пытаясь предугадать, какой оборот примут события в ближайшие минуты...

...Они прошли сосновое редколесье и вступили под сень густого ельника, за которым начинался поросший кустарником склон.

Солнце уже постепенно клонилось к закату, тени удлинялись, хруст ветки при неосторожном шаге казался громче выстрела...

Взвод остановился на границе леса.

Нагаев отдал Ковальскому однозначные, четкие указания, запретив пользоваться радиосвязью, – очевидно, он был лучше осведомлен о техническом оснащении человекоподобных машин, но не имел времени, чтобы подробно растолковать лейтенанту подробности. Среди прочих директив, полученных от полковника, Ян выделил для себя две, особенно странные, а значит – важные.

Вадим Дмитриевич настаивал на использовании снайперов в качестве главной ударной группы, предостерегая от попыток прямого штурма возвышенности всеми силами подразделения, – по его инструкциям, действовать следовало с предельно дальней дистанции, стараясь поразить сервомоторные узлы конечностей андроидов, чтобы те не могли воспользоваться оружием или бежать. Стрелять в грудь Нагаев рекомендовал только в крайнем случае, сообщив, что именно там находятся запоминающие устройства, информация с которых может полностью прояснить ситуацию.

В лесу уже ощущались сумерки, и Ян, переползая от бойца к бойцу, отдавал последние приказы, чувствуя, как тело охватывает дрожь непонятного, неведомого ранее возбуждения; во рту отчего-то появился солоноватый привкус, словно он нечаянно до крови прикусил губу.

Все будет в порядке...

Он успокаивал сам себя, наблюдая, как фигуры снайперов, сгорбившись, исчезают в сгущающихся сумерках среди густого ельника.

Вершина холма, где, судя по монотонному, басовитому гулу, продолжались какие-то работы, еще освещалась солнцем, что давало снайперам неоспоримое преимущество.

По легкому шелесту ветвей Ян понял – бойцы начали карабкаться на деревья: могучие ели служили хорошей маскировкой, а их высота позволяла снайперам занять господствующие

позиции, откуда просматривался гребень возвышенности. Остальные бойцы распределились на границе ельника, блокируя склон, ведущий к поселку.

Ковальский полез на дерево.

Стараясь не шуметь, Ян ловко карабкался по ветвям, пока те не стали ощутимо гнуться под его весом. Найдя прочную развилку, он решил, что поднялся достаточно высоко, и действительно, отодвинув в сторону несколько зеленых молодых побегов с клейкими, еще не колючими иголками, он увидел картину, которую приблизительно представлял со слов Мари.

Кустарник на вершине холма оказался повален, выворочен с корнем, листва на нем пожухла, земля же была прорезана ровными, расположенными через равные промежутки узкими, но глубокими шурфами, словно по холму прошли исполинской гребенкой.

Данная симметрия нарушалась лишь в одном месте, где механические старатели, очевидно, обнаружили искомое: узкий разрез почвы там превращался в широкий раскоп, в отвесной стене которого тускло поблескивали вкрапления металла.

Кто бы мог подумать, что под слоем земли обычный с виду холм (каких немало в окрестностях) скрывает какой-то механизм или, быть может, древнее сооружение.

Окинув быстрым, оценивающим взглядом панораму раскопок, Ян переключил внимание на андроидов.

Он насчитал десять человекоподобных машин. Из них вооружены были лишь пять, они стояли, будто изваяния, образовав редкое оцепление по периметру раскопа, остальные медленно двигались по нетронутым земляными работами участкам, вероятно, пытаясь определить при помощи встроенных сканеров размеры и точное местоположение обнаруженной конструкции.

Чуть в стороне сгруппировались семь или восемь приземистых, действительно похожих на черепах землеройных машин.

Все оказалось не настолько страшным и загадочным, как минуту назад рисовало воображение. Ян даже мысленно устыдился собственных страхов и сомнений.

Взглянув на часы, он понял, что снайперы уже успели занять позиции и разобрать цели. Пора начинать операцию...

Он приподнял пуленепробиваемое забрало шлема и тонко свистнул, подражая голосу одного из немногих пернатых обитателей леса.

Это являлось сигналом, и первые выстрелы сухо щелкнули спустя доли секунды после условного свиста.

Пять снайперов работали без остановки, каждый по своей цели, – опуская забрало «сферы», Ян услышал, как пули звонко прошибают металл; застывшие в охране дройды не успели отреагировать на внезапный огонь, – он отчетливо видел, что оружие валится из механических рук, и тут же, не давая им развернуться, снайперы ударили по коленным кожухам, за которыми скрывались сервоприводные узлы пришлых механизмов.

В эти мгновенья лейтенанту Ковальскому казалось, что операция разыграна, как по нотам, и близится к стремительному победному финалу... ощущение длилось несколько секунд, пока за противоположным склоном возвышенности отчетливо не взревел двигатель и над склоном холма не появилась зловещая тень громадной, совершенно незнакомой машины, которая проломилась сквозь редкий кустарник, выворачивая траками гусениц огромные комья земли; в ее бортах открылись люки, и оттуда вдруг посыпались фигуры андроидов.

Их было несколько десятков, каждый экипирован и вооружен не хуже бойцов взвода Ковальского. Выскакивая из люков, они не останавливали начатое движение, а тут же, без промедления, ожидания команд или иных подготовительных действий открывали *безошибочный* ответный огонь по тем деревьям, где располагались позиции снайперов взвода.

Первый болезненный вскрик и характерный звук падающего, подламывающего ветви тела подействовал на Яна, словно внезапный удар в голову: сознание на миг помутилось, но

шок исчез, растворился в невероятном всплеске нервного возбуждения, не прошло и секунды, как, выкрикнув команду, он вскинул «Абакан», дав две короткие прицельные очереди по перебегающим среди поваленного кустарника фигурам.

В ответ, высекая остро пахнущую древесную щепу, в ствол ели впились десятки пуль... и в этот миг от далекого горизонта, где громоздились кучевые облака, закрывающие закатный диск светила, ударил, найдя прореху, одинокий багряный луч солнца, осветив холм и окрестности нереальным оранжевым светом.

Ян навсегда запомнил этот изливающийся из поднебесья свет, в котором тонули частые отрывистые вспышки выстрелов.

Таким в его памяти запечатлелось начало жестокой неравной схватки.

* * *

Пули с глухим стуком впились в кору дерева.

Ян слышал крики, автоматные очереди вспарывали сумрак ельника, на злополучном склоне холма горел человекоподобный механизм: горел молча, продолжая посылать во тьму короткие отрывистые очереди.

Ноги Ковальского наконец коснулись земли. Он отбежал на несколько шагов в сторону от демаскированной позиции, по которой продолжали бить из стрелкового оружия, и включил коммуникатор шлема.

Дальнейшее соблюдение радиотишины являлось глупой бессмыслицей.

Полковник Нагаев резко обернулся, заметив, как вспыхнул на тактическом терминале индикатор экстренного вызова: так автоматика отреагировала на всплеск активности в эфире, транслируя в реальном времени все перехваченные радиосообщения.

Участники совещания, стоически ожидавшие развития событий, вдруг услышали четкий голос боя – канал телеметрии вбирал в себя все, начиная от участвовавшего дыхания бойцов, звонких автоматных очередей, глухих взрывов, треска занявшегося на холме пожара, до отчаянных предсмертных вскриков и резких, перекрывающих иные шумы, команд взводного:

– Первое отделение, отойти на двухсотметровый рубеж, занять позиции для прикрытия!.. Ловацкий, обеспечить спуск снайперов, третье отделение, за мной! – Ковальский все еще отдавал приказы, как по учебнику, словно листал электронные страницы тактических наставлений, даже сленг пока отсутствовал в его командах, – Ян выговаривал фразы целиком, и оттого они казались штампованными, игрушечными...

Жуткий предсмертный хрип, перешедший в короткое бульканье, стал иллюстрацией к его словам, и тут вдруг разом включилось несколько экранов – это, наконец, начал поступать видеоряд с камер, установленных на шлемах бойцов.

Сидевший в центральном кресле Нагаев вдруг странно дернулся, будто шальная пуля, преодолев немыслимое расстояние, ударила его в голову.

Рядом с ним возвышался странного вида терминал, где в такт поступающим данным нервно и часто взмаргивал индикатор...

События развивались стремительно.

Рваная тьма на экранах телеметрии озарялась короткими злыми хоботками очередей, тлела отсветами пожара, слепла от рвущих ельник гранатных разрывов.

Нагаев резко схватил тонкую дугу коммуникатора:

– Ковальский! Ян, ты меня слышишь?

Ему отвечал бой.

– Ян! – В голосе полковника вдруг прорвались визгливые нотки.

Да. Они носили форму и знаки различия, но никто, от рядового до командира, не знал войны, не понимал ее сути...

Сегодня, сейчас, сию секунду они получали первый опыт... далекая, *чужая* смерть воспринималась как своя, внутренности сжимались, холод драл по спине ледяным ознобом...

Нагаев обернулся. Его взгляд, казалось, сейчас прожжет насквозь начальника штаба, который сидел в своем кресле со спокойным выражением деловой заинтересованности на лице.

Словно в одну минуту они стали разными... настолько разными, что не могли понять друг друга.

– Встать! Все резервы к поселку! Держать связь включенной! – И снова, словно отчаянный призыв, на который жизненно важно получить ответ, губы полковника выдохнули в коммуникатор:

– Ян!

Он сам не понимал, что творится в его груди в эти бесконечные, полные чужих впечатлений и эмоций мгновенья.

Ковальский слышал далекий голос, прорывающийся сквозь треск помех несущей частоты, но у него не было возможности ответить – андроиды шли в атаку, рядом погибал его взвод, так был ли смысл в далеких призывах, что выплескивал коммуникатор в помутившийся рассудок?

Тьма играла против людей, андроидам она, по всей вероятности, не мешала, но бойцы поредевшего взвода – те, кто попытался задействовать системы тепловидения, – тут же с досадой отключали их: засветка от пожара, охватившего склон холма, не давала работать термальной оптике, и им оставалось уповать на собственное зрение, ориентируясь на вспышки выстрелов, хруст веток или мгновенные отсветы разрывов, высвечивающие из мрака сиюсекундную диспозицию атакующих механизмов...

Добежав до границы ельника, где мятущееся зарево бушующего огня смешивалось с вязкой тьмой, царящей за густыми разлапистыми ветвями могучих деревьев, Ян припал на одно колено, «Абакан» вонзился прикладом в податливый ковер мха и хвои, он отклонил ствол оружия, забыв в эти секунды обо всем, сосредоточенно, будто на учениях, выцеливая ползущую по горящему склону тяжелую машину, поливающую ельник шквалом разрывных снарядов из двух автоматических пушек.

«Нет, не пойдет... Не пробить броню. Только погибну зазря...» – мысли мелькали в голове с неуловимой скоростью, а пальцы уже меняли заряд в подствольнике с осколочного на кумулятивный, он рывком поднял автомат, прижал приклад к плечу, чтобы выстрел пошел не по минометной траектории, а прямой наводкой – расстояние до цели не превышало ста метров, для реактивной гранаты меньше секунды полета...

Он плавно потянул спусковую скобу вторичной системы вооружения, и подствольник разрядился с приглушенным хлопком, заряд рванулся фактически по прямой, попав встык между скругленным выступом правой орудийной башни и наклонным листом лобовой брони.

Кровь глухо прилила к голове, Ян никогда не испытывал подобного чувства, – словно безумец, не обращая внимания на цвиркающие вокруг пули, он приподнялся, вытягивая шею, мысленно моля лишь об одном – только не рикошет, но угол между двумя поверхностями не дал гранате уйти на излет, струя раскаленного газа, вырвавшаяся из боевой части, прожгла в броне микроскопическое отверстие, диаметром не более двух миллиметров, но последствия оказались ужасающими – температура внутри машины тут же подскочила до тысячи градусов, и в темнеющие небеса, вырывая люки, изнутри бронированного монстра вдруг с оглушительным грохотом рванули снопы пламени.

От взрыва покачнулась земля, даже андроиды не устояли на ногах, в отличие от людей, их валило, словно кукол, заставляя катиться по склону, вокруг падали раскаленные обломки бронемашин, тут же поджигая траву, кусты, нижние ветви разлапистых елей...

– Все отходим! Назад! Третье отделение, Бешкеев, прикрывайте!

Ян, которого тоже сбило с ног и отшвырнуло в сторону взрывной волной, порывисто вскочил, тут же едва не заорав от боли.

Стиснув зубы, он одной рукой перехватил «Абакан», прижав левую ладонь к бедру, где толчками пульсировала боль.

Между пальцами струилась горячая липкая кровь.

Царапина. Наверное, царапина... – Он попытался шагнуть и понял, что может идти, осколок действительно прошел вскользь, лишь разрезав кожу.

– Ребята, отходим... Все...

Он не бежал, а шел, припадая на раненую ногу, постоянно оглядываясь, в надежде увидеть кого-то из своих, но между озаренными пожаром елями мелькали лишь фигуры антроидов, и тогда Ян стрелял с одной руки, почти не попадая, но заставляя ненавидимые силуэты падать на землю, вжиматься в нее, выискивая цель...

Казалось, этот кошмар никогда не закончится. Боли не было, но ощущение крови, по-прежнему сочащейся сквозь пальцы, вызывало приступы тошноты, голова кружилась не то от контузии, полученной в момент взрыва, не то от кровопотери, мир перед глазами постепенно терял четкость, реальность принимала зыбкие формы, пока его не подхватили чьи-то руки и голос Асмана Бешкеева не начал сыпать возбужденными фразами:

– Командир, из города передали – подкрепления идут! Мы держим их на границе ельника.

– Кто?.. – прохрипел Ян. – Кто еще выжил?..

Скороговорка сержанта вдруг оборвалась. Казалось, даже звуки вспыхнувшего с новой силой боя утихли.

– Никто, командир... Только ты...

Ян рванулся из поддерживающих его объятий и тут же, не устояв, упал на землю, лицом в сладковатый запах мха, который впитывал выступившие на глазах Ковальского слезы, глушил звериный, нечеловеческий хрип, рвущийся из горла командира, потерявшего почти всех своих ребят...

* * *

Камера на шлеме Ковальского продолжала работать, фиксируя все происходящее вокруг. Незамысловатому устройству было абсолютно все равно, какую невыносимую моральную муку испытывает сейчас человек, как ломается его душа, рушится мировоззрение под неистовым напором неведомых ранее событий и чувств.

Он умирал и... возрождался вновь, но уже другим, будто вместе со слезами, которые невольно текли по щекам, из его души навсегда уходило что-то важное, что-то, без чего можно жить, но уже нет возможности радоваться этой жизни.

...Рядом звонко ударила автоматная очередь, в мох беззвучно обрушился курящийся дымком водопад стреляных гильз, они тонули в зеленом ковре, изредка пружиня от него, неестественно медленно подсакивая вверх...

Ритмичный звук и вид горячих, падающих сверху гильз вывел Яна из горестного оцепенения.

Он приподнялся на локтях, одной рукой нашаривая автомат. Бешкеев продолжал стрелять, припав на одно колено, пока его «Абакан» не плюнул во тьму двумя трассерами, что означало – магазин пуст, остался лишь патрон в стволе.

– Отходи, Асман, я прикрою!.. Уходи к первому отделению! К бронемашинам!.. Держите поселок любой ценой!..

Среди сумрака, подсвеченная заревом пожарища, мелькнула фигура андроида, и Ян резанул по ней длинной очередью. Пули попали в голову человекоподобной машины, дройд пошатнулся, начал валиться на бок, но, уронив автомат, умудрился ухватиться за нижнюю ветвь дерева и застыл в нелепой позе, рывками поворачивая голову, в которой зияли три небольших пулевых отверстия и виднелись две рваные пробоины в районе затылка, где пули, навывлет прошив черепную коробку, вырвали изрядные фрагменты металлопластика.

Не жизнь... Это не жизнь... – горячие мысли жгли рассудок, Ян чувствовал, как истерический смех подкатывает к горлу при виде раскачивающегося из стороны в сторону вцепившегося в ветку сервомеханизма.

Он не видел, что одна из пуль пробила грудной кожух андроида и оттуда медленно вытекает непонятная, вязкая серебристая субстанция, тягучими каплями срываясь на кору дерева и траву, пробившуюся сквозь мох, и на мягкую подстилку из опавшей хвои...

Ту же картину демонстрировали два работающих экрана в зале совещаний Управления колониальной администрации.

Нагаев наблюдал за боем в основном с камеры Ковальского, поскольку остальные каналы связи гасли один за другим...

Когда отключился и этот последний канал телеметрии, Нагаев принял решение:

– Необходима срочная эвакуация всех поселений, начиная от зоны вторжения до окрестностей энергостанции. – Он отдавал распоряжения своим заместителям, демонстрируя непонятную смесь нервозности и выдержки. – Отделению, оставленному Ковальским для прикрытия поселка, – отступить. Мы должны затянуть их в глубь нашей территории – это даст время основным силам выдвинуться из города, занять выгодные позиции и уничтожить противника.

Лес невнятно шумел кронами деревьев. Ночь давно превратилась в сумеречный танец теней – блики от охватившего весь холм и часть ельника пожара играли зловещими отсветами на неподвижно застывших среди соснового редколесья телах, ложились кровавыми пятнами на треснувшие забрала боевых шлемов, стили алыми искрами на изгибах пустых магазинов и россыпях стреляных гильз.

Ковальский, которому очередная пуля пробила плечо, на минуту пришел в сознание, чувствуя, как непомерный груз давит на спину.

С трудом приподнявшись, он увидел, как мягко и безвольно перевернулось тело сержанта Бешкеева.

На нем не было крови, только аккуратная дырочка в центре бронированного забрала немо свидетельствовала, что Асман мертв.

Яростные, трескучие, раскатистые звуки боя доносились уже с окраины поселка.

Осмотревшись, Ян понял, что пролежал без сознания несколько часов, – небо у горизонта уже посерело, предвещая близкий рассвет.

Раны пылали болью, но кровь в них запеклась и уже не стекала на порыжевший мох.

Он сел, мучительно застонав.

Вспоров шов на разгрузке, Ковальский достал индивидуальную аптечку, сделал себе две инъекции и на минуту обессиленно затих.

Мысли кружили в голове, словно пожелтевшие, высохшие осенние листья.

Они погибли. Все. Все до одного. Ян не мог видеть своих ребят, не в его силах было сосчитать тела, но что-то внутри подсказывало – ты остался один, лейтенант. Один навсегда, невзирая на то, сколько людей будет находиться рядом с тобой через минуту, час, сутки...

Не клеймо, не самобичевание, не горький упрек – он сделал все, что в человеческих силах, просто ему не повезло... выпало остаться в живых.

Ян ошибался, думая о том, что более никогда не встретит людей, которые смогут стать ему столь же близки, как погибшие ребята из взвода. Ребята, которых он не смог сблечь.

Черная вязкая ненависть постепенно закипала в душе, и было непонятно, что сильнее действует на организм, – противошоковый и стимулирующий препараты или это народившееся чувство пустоты, среди которой нашел себе место лишь один позыв: убивать проклятых андроидов. Убивать, пока не кончатся силы, пока последняя капля крови не сорвется из потревоженных ран.

Все, что было прежде, скорчилось, почернело, потеряло статус памяти, вакуум сознания заполнил БОЙ, как новая точка отсчета, не жизни, но ненависти и горя.

* * *

Проснувшись, Мари почувствовала себя гораздо лучше.

Да, собственно, была ли она больна? Думать, что мнимая хворь рождена страхом, неприятно, но ведь действительной причиной ее пребывания в больничной палате являлся именно испуг.

Нет, я здорова. – С такой мыслью она решительно откинула казенную простынь, ступив босыми ногами на холодный пол.

Немного кружилась голова, от первых движений начало подташнивать, но дискомфортные ощущения быстро прошли – ее внимание отвлекли звуки, доносящиеся с улицы.

Мари насторожилась, тут же забыв о легком недомогании.

Толстое двойное стекло в пластиковой раме мелко вибрировало, передавая в помещение приглушенный ритмичный рокот. До сих пор ей не приходилось слышать ничего подобного, – если на улице работал некий механизм, то почему в его раскатистом урчании так много сплетающихся, не составляющих привычного ритма перестуков, то коротких, то длинных, перемежающихся с непонятными тугими ударами, от которых ощутимо вздрагивали стены и пол?

Страх вернулся, будто все время сидел, затаившись в уголке сознания, чтобы, дождавшись удобного момента, выскочить, укусь, впиться своими холодными пальцами в неровно забившееся сердце, пробежать ледяными мурашками по коже, заставив в растерянности оглянуться вокруг.

Почему я одна? Куда все подевались? – Мысль уже отдавала паникой, но Мари, на удивление, справилась с собой, мысленным окриком заставив умолкнуть распоясавшееся воображение.

Одежда. Нужно найти свою одежду.

Слава богу, все нашлось во встроенном шкафу – выстиранное, выглаженное, пахнущее чем-то больничным, но Мари не обратила внимания на запахи: тревожные звуки и ощущение одиночества подстегивали ее, изгнав остатки недомогания, она уже полностью пришла в себя после многочасового пребывания под воздействием успокоительных и снотворных препаратов.

Одевшись, она оглянулась – вернулся прежний страх, боязно было выходить в пустой коридор, но надежда связаться с кем-то из персонала больницы тут же погасла – компьютерный терминал, установленный в изголовье кровати, не работал, что само по себе являлось тревожным признаком.

Выглянув через окно, она не увидела на улице агротехнической фермы и прилегающего к ней поселка ни одного человека. Лишь сельскохозяйственные механизмы застыли посреди улицы, будто их бросили второпях, на полпути между ангарами и полями.

Ничего не понимая, Мари обернулась, и в этот миг в коридоре раздались отчетливые шаги, зашипела пневматикой автоматически открывшаяся дверь, и она, не успев толком напу-

гаться, вдруг увидела незнакомого парня в грязной, изодранной, испятнанной заскорузлой, спекшейся кровью форме.

Треснувшее, поцарапанное забрало его боевого шлема было поднято, взгляд мутно блуждал, не в состоянии остановиться на каком-то конкретном предмете – он сделал несколько шагов, сильно припадая на правую ногу, и вдруг боком повалился на кровать, издав глухой произвольный стон.

В эту секунду Мари, опешившая от неожиданности, вдруг узнала его, несмотря на все чудовищные перемены в облике молодого лейтенанта, – это он беседовал с нею накануне, выясняя подробности ее встречи с андроидами.

Боже, что же делать?

Ян (так вроде бы звали офицера) потерял сознание, отдав последние силы нескольким шагам, отделявшим его от больничной койки, которая, по наивному предубеждению, являлась для рассудка неким символом победы над смертью.

Мари вдруг отчетливо поняла – поселок пуст, больница тоже, люди бежали отсюда, побросав технику и *забыв* о ней, и раненому лейтенанту вовсе не на кого рассчитывать, разве что на... нее?

Я биолог, а не медик, – шарахнулась в голове одинокая мысль, но она уже сделала шаг, опустилась на колени подле бесчувственного тела, коснулась пальцами магнитных застежек на экипировке, ощутила вес разгрузки, которая вдруг начала оползать вниз...

Страх внезапно исчез. Осталась дрожь в кончиках пальцев, сосущее чувство одиночества, но действия Мари приобрели осмысленность, она больше не содрогалась, не думала о себе, все ее внимание поглотила забота о едва знакомом молодом парне, который попал в беду.

Сняв разгрузку, Мари расстегнула бронежилет, сняла с головы Яна боевой шлем, с облегчением убедившись, что на голове и груди нет ран.

«С остальным я справлюсь. Должна справиться». – Мысленный голос помогал пальцам двигаться проворнее, а взгляду не холодеть при виде запекшейся крови.

Ян застонал, его потрескавшиеся, пересохшие губы вытолкнули хриплую команду – он бредил, призывая бойцов своего взвода, и душа Мари, сжавшаяся в комочек, поняла – в этот миг он разговаривал с мертвыми.

Многие понятия не находили места в ее разуме, они врывались в него, ломая сложившиеся жизненные стереотипы... и застревали среди обломков былого бытия, подразумевая, что теперь все будет иначе, жизнь станет другой, но вот какой – оставалось совершенно неясно.

* * *

За четверть часа она успела прожить целую субъективную вечность, вспомнить все, чему учили на уроках гражданской обороны и начальной военной подготовки, востребовать и приспособить собственные знания биологии к конкретной ситуации, несколько раз сбежать в разные помещения опустевшей сельской больницы за необходимыми препаратами и перевязочными средствами.

Наконец, очистив раны от запекшей крови, удалив грязь и копоть, она туго перебинтовала бедро и плечо Яна, сделала ему необходимые инъекции и вдруг поняла: все... далее судьба лейтенанта зависит от возможностей его собственного организма.

Стоило ей закончить перевязку и присесть на край койки, как рассудок вновь начал погружаться в омут страшных догадок о сути происходящего вокруг, но она не поддавалась панике, как полчаса назад. Мари еще не понимала, насколько сильно изменили ее прошедшие тридцать минут.

Ян вдруг пошевелился и, скрипнув зубами, открыл глаза.

Перед взглядомплыли белые стены.

Цветок на окне, чисто вымытое стекло, через которое брызжут лучи полуденного солнца, отдаленный рокот беспорядочного автоматического огня, редкие толчки разрывов, ощущаемые, как мягкие, едва заметные колебания пола и стен...

Более всего его поразили солнечный свет. Редкий случай, когда светило находило разрыв в плотном пологе облачности, чтобы приласкать землю своими лучами, подобные явления всегда вызывали чувство радости, восторга, но сейчас все казалось иным, зловещим, неуместным...

В сознании все еще цвела горячечными красками безумная ночь, ему казалось, что в мире больше никогда не будет солнца, и сейчас, глядя, как теплые, ласковые лучи, прорываясь сквозь тканый узор в шторах, рассыпаются по полу солнечными зайчиками, он вдруг подумал: мир неизменен. Со мной или без меня будет вставать солнце, приходить ночь, сменяться времена года...

Со мной или без меня.

Миру все равно, жив я или уже умер?

Ян отвернулся, чтобы не смотреть на золотистые солнечные лучи, и только тут заметил Мари.

Он с трудом узнал девушку, с которой беседовал перед выдвижением взвода к холму, – прошло менее суток, а она похудела, осунулась, черты лица заострились, и в глазах появилось совсем иное выражение – в них не осталось и следа того кричащего, эгоистичного, затравленного ужаса, который он видел, разговаривая с ней. Теперь она смотрела на него с тревогой, но во взгляде появился совершенно иной оттенок – она тревожилась не за себя.

Ян с трудом попытался привстать, чувствуя, как на месте заскорузлых ран туго натянулись свежие повязки, а она молча стала помогать ему, так, словно они были знакомы всю жизнь, с самого детства.

Лейтенант ослабел от потери крови, но все же сумел с помощью Мари утвердиться на ногах.

Обведя взглядом помещение, он с трудом узнал больничную палату и понял, что пришел сюда в полубессознательном состоянии.

– Где все? – хрипло, не узнавая своего голоса, спросил он, продолжая невольно прислушиваться к звукам далекого, то затухающего, то разгорающегося с новой силой боя.

– Не знаю, – пожала плечами Мари. – Когда я очнулась, уже никого не было.

– Тебя бросили?

– Я спала. Ничего не видела и не помню. – Мари отвела взгляд, давая понять, что не желает обсуждать данную тему. Мысль о том, что ее могли *бросить*, не находила места среди знакомых привычных понятий.

Они оба еще многого не знали. Их жизненный опыт открывал новые грани реальности, но сформированное сознание на первых порах отказывалось принимать большинство открытий.

Казалось бы, они уже вкусили свою долю ужаса, каждый по-своему прошел через определенные испытания, и теперь в наступившем вокруг хаосе им следовало позаботиться прежде всего о себе...

– Давно я пришел?

– Примерно час назад. Сядь, у тебя ранение в ногу.

– Пустяк... – Он попробовал улыбнуться своей спасительнице, но губы лишь болезненно искривились. – Поцарапало осколком... – Он все же сел, здоровой рукой дотянувшись до бронежилета и разгрузки. Ян хотел надеть экипировку, но вдруг передумал.

Посмотрев на Мари, он что-то сделал с магнитными липучками бронежилета, с которого она успела соскоблить кровь, и протянул ей шуршащий металлокевлар.

– Он не тяжелый. Надень.

Она удивленно посмотрела на Ковальского.

- Зачем? – тихо спросила Мари.
- Так будет лучше. Безопаснее. Нам с тобой нужно уходить отсюда.
- Почему уходить? – Она все же взяла бронежилет, позволив Яну окончательно подогнать его по фигуре.
- Слышишь бой? Километрах в пяти отсюда?
- Слышу... – До Мари, наконец, дошел истинный смысл тех звуков, что тревожили разум с момента пробуждения.
- Они рвутся к энергостанции.
- Кто?
- Машины. – Ян будто сплюнул это слово. – Сервомеханизмы. – Он вновь попытался встать, опираясь на приклад «Абакана», но Мари остановила его мягким, настойчивым движением.
- Подожди... Ян. – Она впервые назвала его по имени. – Что случилось там, на холме?

Она имела право знать, и он рассказал ей все без утайки, не умаляя и не приукрашивая событий, так, как те врезались в память, потом покосился на разбитый пулей коммуникатор и добавил:

– Теперь у меня нет ничего. Ни взвода, ни связи. Есть только ты... – внезапно произнес он.

Щеки Мари вспыхнули пунцовыми пятнами.

– Ты спасла меня. Я бы истек кровью и умер.

Она подняла взгляд.

– Мы должны идти туда? – Мари имела в виду отдаленные звуки боя.

– Ты вольна выбирать.

Она вдруг почувствовала, что дрожит.

– Ты отдал мне бронежилет. Значит, уже решил все за меня?

Ян не нашелся, что ответить, лишь его глаза смотрели на Мари в немом удивлении, будто он увидел ее впервые, и девушка потупилась, тихо прошептав:

– Извини...

Все рушилось в непонятную пропасть, стремительно отдалялось, превращаясь в невозвратимое прошлое, и ее возмущение, еще уместное сутки назад, теряло свой смысл под взглядом безмерно усталых, покрасневших глаз с лопнувшими от контузии капиллярами.

– Ты хоть можешь объяснить мне, кто они, что им нужно?

Ян поморщился.

Звуки боя тревожили его, тянули, как магнит, и душа вдруг испытала неведомую двойственность – с одной стороны, долг солдата, накрепко воспитанный в сознании, смешиваясь с болью утрат и ненавистью к механическим отродьям, звал его туда, а с другой – образ спасшей его девушки не позволял просто развернуться и уйти...

– Мари, я знаю не больше твоего, – резко ответил Ян, с трудом обуздывая неодолимый порыв. – Они пришли и начали убивать. Ты первая столкнулась с этим. Для меня нет разумного объяснения их действиям. Так же, как и для тебя, верно?

Она вынужденно кивнула.

– Ты не должна оставаться одна. Я лишь хочу защитить тебя, понимаешь?

Мари снова кивнула. Вес бронежилета, плотно подогнанного по фигуре, почему-то менял образ мыслей, и она вдруг спросила:

– У тебя есть еще оружие?

– Для тебя?

– Да.

– Нет, но мы попробуем найти.

– В участке?

Ян кивнул. Судя по брошенной технике, виднеющейся за окном, люди бежали в панике, бросая все, – видно, на улице поселка появились андроиды, прорвавшие заслон его взвода. Скорее всего, не встретив сопротивления, сервомеханизмы направились дальше, в сторону энергостанции.

Мари хотела что-то сказать, но, перехватив напряженный взгляд Яна, осеклась.

Похоже, лейтенант практически ничего не воспринимал, кроме отзвуков далекого боя...

Господи, как хотелось ей убежать от страшной беды, спрятаться, скрыться... но его глаза, их усталый, полубезумный взгляд... он уже не отпускал душу, тянул за собой в страшное и неведомое.

Ты же всегда была храброй девочкой...

Ну да. Одно дело отшить какого-нибудь хама на дискотеке, другое – пойти за потерявшим свой взвод, обезумевшим от горя лейтенантом.

Сложно описать, что переживала в эти минуты Мари. Она боялась вновь остаться одна и в то же время не знала, куда ей идти, что делать.

Наверное, только сейчас до нее стало по-настоящему доходить: прежний мир исчез, рухнул в одночасье...

Единственной реальностью для нее оставалась эта больничная палата и неестественно выпрямившийся у окна молодой лейтенант с постаревшими от горя глазами.

Он... Он непременно пойдет туда... Мари со смятением прислушивалась к отзвукам боя. Ей было страшно, но, подумав об одиночестве, она испугалась еще больше.

– Ян... – Она осторожно коснулась его плеча. – Давай что-нибудь делать. – Она произнесла эту фразу шепотом, с таким чувством, будто прыгала с огромной высоты. – Я пойду с тобой...

Глава 3

Прошлое

Опустевшие улицы поселка выглядели удручающе. Здесь не происходило боевых действий, и Ковальский, сердце которого сжималось в дурном предчувствии, немного приободрился, в его глазах даже промелькнула искорка надежды, когда взгляд не нашел сгоревших остовов бронемашин... но сам вид брошенной сельскохозяйственной техники, свет, продолжающий гореть в некоторых окнах, распахнутые настежь двери, следы протектора на бетонном покрытии дорожного полотна, где чья-то машина с пробуксовкой рванулась с места, – все эти признаки поспешного бегства десятков людей выглядели удручающе, если не сказать – зловеще.

Доносившиеся издали автоматные очереди практически стихли.

Мари видела, что Ян то и дело поглядывает в ту сторону.

– Это плохо? – спросила она, когда Ковальский остановился, вслушиваясь в *тишину*.

– Не знаю, – хмуро ответил он. – Либо атака отбита, либо... – Он не стал договаривать, а шагнул в распахнутую дверь стоявшего особняком строения.

Мари последовала за лейтенантом.

Внутри одноэтажного здания также горел свет. Из небольшого вестибюля вели три двери – одна в казарменное помещение, другая в подсобки, а третья, выполненная из металла, в оружейную комнату.

Ковальский посмотрел на приоткрытую бронированную створку массивной преграды и лишь молча покачал головой.

Только сейчас в его сознании сформировался более или менее четкий вопрос: зачем в каждом из поселений, где проживали сотрудники агротехнических ферм, обязательно располагалось небольшое (пять-шесть человек) военизированное формирование?

А если мысленно копнуть глубже? Не считая мелких правонарушений, жизнь в городе и его окрестностях носила мирный характер – так было на протяжении десятилетий. И все же в Управлении колониальной администрации считали, что городу необходимо обучать и содержать не просто силы правопорядка, а воинские формирования?

Зачем?

Теперь становилось ясно – информация о существовании человекоподобных машин и их враждебности людям не воспринималась как миф. В существование Искусственных Интеллектов и возможность агрессии с их стороны не просто верили – к ней готовились загодя...

Почему же нас не предупредили, толком не проинструктировали, а бросили в бой, будто никто не знал, с *чем нам придется столкнуться?*

Горькие, безответные мысли.

У нас ведь есть оружие, способное смести их на дальних подступах к окраинным населенным пунктам. Почему им не воспользовались? Кому была нужна гибель его ребят?..

Ян вздрогнул, поймав себя на том, что стоит, будто окаменев, у приоткрытой бронированной двери.

Страхнув оцепенение внезапно нахлынувших мыслей, он не стал трогать пульт управления доступом, а просто боком протиснулся в достаточно широкую щель.

– Не заходи. Может сработать блокировка. Кто-то должен оставаться снаружи. Я буду подавать тебе все необходимое, – раздался изнутри его приглушенный голос.

– Это похоже на большой сейф, да? – оглядываясь по сторонам, спросила Мари.

Вместо ответа в полуоткрытом проеме показалась рука Яна. Он протягивал ей автомат.

Она взяла оружие, с удивлением почувствовав его вес, ощутив тупой ноющий холодок, исходящий от металлопластиковых деталей, затем оглянулась и положила «Абакан» на широкий подоконник.

Вслед за автоматом последовали бронежилет, два боевых шлема и несколько тяжелых подсумков с боеприпасами.

Через минуту из оружейной комнаты появился сам Ян. Он нес в руках «разгрузку» и странное оружие с большим барабаном и коротким стволом пугающего калибра, через плечо Яна была небрежно переброшена снаряженная лента с цилиндрическими гранатами.

Со стороны энергостанции внезапно раздалось несколько одиночных выстрелов, затем ухнул приглушенный расстоянием взрыв, и вновь все стихло.

Ян никак не прокомментировал эти звуки, но его лицо еще больше помрачнело, осунулось.

– Мы пойдем туда? – не сумев скрыть дрожь в голосе, спросила Мари, пытаясь освоиться с непривычным весом экипировки, которую лейтенант помог ей надеть поверх бронежилета.

– Нужно проверить энергостанцию. Бой шел где-то на подступах к ней.

– Но нас только двое.

– Мари, нам нужно держаться вместе, – повторил он. – Я не могу просто отвести тебя в город. У меня есть долг. А одна ты туда не доберешься.

– Почему?

– Думаю, вокруг достаточно враждебных сервомеханизмов.

– Ты преувеличиваешь. – Мари вдруг заупрямилась, ей был непонятен мрачный скепсис Ковальского. – Ян, в городе много солдат. Они непременно...

– Я знаю, сколько подразделений базируется в городе, – прервал ее лейтенант. – Они должны были подойти сюда еще ночью, но, как видишь, никого нет, поселок брошен, все жители бежали. Для меня это означает только одно – машины продвинулись гораздо дальше, чем кажется тебе. Они подле энергостанции, и дела там плохи.

– Почему – плохи?

– Предчувствие. – Ян защелкнул крепления ее боевого шлема и спросил:

– Знаешь, как им пользоваться?

– Кое-что помню... Со школы.

– Хорошо. Проверим связь – и вперед.

Она кивнула, испытывая непривычные ощущения. Боевой шлем будто отгородил ее от остального мира, опустив забрало, она теперь видела окружающее в резких сероватых тонах, внешние звуки тут же исчезли, и только устройство коммуникатора четко произнесло голосом Яна:

– Проверка связи. Ты как?

– Нормально. Как будто оглохла.

– Включи внешние микрофоны. Это крайний сенсор на ободке забрала. Активируется касанием языка.

– Все, теперь нормально.

– Экипировка нигде не мешает?

– Нет. Только вес непривычный.

– Ты когда-нибудь стреляла?

– Конечно. В школе. – Она демонстративно коснулась сенсора в углублении приклада, активировав оружие.

– Не поворачивай ствол в мою сторону. – Ян говорил сухо, отрывисто, будто отрубал фразы. – Пошли.

Мари повиновалась, совершенно не представляя, что ожидает их впереди.

Все происходящее с ней за последние сутки казалось каким-то тяжелым неправдоподобным сном.

В данный момент, покидая вслед за лейтенантом одноэтажное строение, она откровенно злилась на Яна: раненый, потерявший бог знает сколько крови, напичканный обезболивающим и стимуляторами, он вел себя с ней не как со своей спасительницей – в тоне Ковальского не угадывалось даже намека на благодарность, в нем звучала лишь угрюмая решительность – казалось, он теперь будет помыкать ею, как, наверное, привык командовать своими солдатами...

Мысль осеклась.

Мари вдруг вспомнила, что весь его взвод погиб, но это лишь обострило чувство беды, горечи, а он, ни слова не говоря, пересек улицу и уже открывал водительскую дверцу легковой машины, по какой-то причине заглохшей при выезде со двора и брошенной своими прежними хозяевами.

– Садись, – не терпящим возражений тоном произнес Ян. – И опусти ветровое стекло.

Она еще больше разозлилась, но все же заняла пассажирское сиденье, язвительно спросив:

– А как ты собираешься ехать? У тебя что, есть карточка доступа?...

Вместо ответа Ян ударом кулака расколол пластиковый кожух под приборной панелью, несколько секунд молча смотрел на обнажившиеся провода и схемы, затем вырвал один из энергопроводов и подсоединил его к пустующему гнезду.

Двигатель машины заработал.

– Смотри по сторонам. И пристегнись, – предупредил он, положив свой автомат поперек колен.

Машина с пробуксовкой рванулась с места.

* * *

С полчаса они ехали молча. Ян дважды сворачивал на дорожных развязках, направляя машину в обход населенных пунктов; проселок сменялся территориями пустующих агротехнических ферм, вился между полями... пока Мари окончательно не потеряла чувство направления.

– Мы не заблудились? – не выдержав, спросила она у своего молчаливого спутника.

– Нет. – Ковальский то и дело поглядывал по сторонам, словно искал какие-то ведомые лишь ему знаки. – До энергостанции осталось километров семь-восемь, не больше.

Вокруг стояла ненатуральная тишина. Водородный двигатель машины работал практически бесшумно, и до слуха доносился лишь монотонный шелест гравия под колесами.

– Странно. Мы проехали несколько ферм. Я не слышал, чтобы ревели голодные животные, – нарушил лейтенант затянувшуюся паузу.

Мари покосилась на своего спутника, а потом ответила:

– На фермах все автоматизировано. Если животных по какой-то причине не выгнали на выпас, это не значит, что они останутся голодными или неухоженными.

Ян в недоумении посмотрел на нее.

Еще один безответный вопрос добавил в его мысленный список: если, как утверждает Мари, фермы полностью автоматизированы, то зачем на них постоянно трудятся десятки, а иногда и сотни человек? Для контроля над автоматикой достаточно нескольких сменяющих друг друга операторов...

Может быть, так было не всегда?

– Мари, ответь, автоматизация произведена недавно?

Она пожала плечами.

– Если честно, не знаю. А почему ты... – Развить свою мысль она не успела, за плавным поворотом дороги вдруг показался силуэт человека...

Без головы.

Резко взвизгнули тормоза, ремень безопасности впился в грудь Мари.

Она успела лишь вскрикнуть, машину занесло, разворачивая поперек дороги, Ян резко распахнул свою дверь, и хлесткая автоматная очередь резанула по краю обочины, откуда поднимались две фигуры андроидов.

Мари видела этот кошмар во всех подробностях: посреди дороги стоял обезглавленный человекоподобный робот, служивший препятствием для любого из проезжающих, его металлопластиковый череп был наполовину снесен произведенными в упор выстрелами, из обрубка шеи торчал разлохмаченный на торце оптоволоконный кабель, ошметья пеноплоты на чудом уцелевшей правой щеке висели рваными бескровными клочьями...

Она не могла вдохнуть, не понимая, что ее взгляд задержался на покалеченном сервомеханизме на какую-то секунду, не более, – машину уже резко разворачивало, давление страховочного ремня прорвалось болью даже через бронежилет, а рядом оглушительно ударил автомат, осыпав приборную панель звонким перестуком горячих гильз...

Взгляд Мари метнулся по сторонам, и только сейчас она заметила еще два кибермеханизма, которые до этого прятались под прикрытием откоса гравийной насыпи.

Как Ян сумел распознать, откуда именно исходит опасность, оставалось только гадать, но он все сделал правильно: заставив машину пойти юзом, Ковальский лишь имитировал аварийную ситуацию, видно, такие трюки являлись для него привычным делом, а вот андроиды приняли все за чистую монету, раньше времени появившись из укрытия, рассчитывая быстро добить оглушенных людей.

Не вышло.

Машина не перевернулась, она лишь на мгновение покачнулась, словно желала встать на два колеса, и тут же резко осела на подвеску, остановившись как вкопанная, только жалобно взвизгнули перегруженные амортизаторы, компенсируя рывок.

Два сервомеханизма, резво поднявшиеся из укрытия, оказались всего в трех метрах от открытой водительской двери, и ни одна пуля, выпущенная лейтенантом, не прошла мимо – длинная прицельная очередь перечеркнула грудные кожухи андроидов ровной строчкой идущих наискось отверстий, отшвырнув массивные человеческие подобию назад, под откос дорожной насыпи...

– Ян!.. – непроизвольно вскрикнула Мари, сумев, наконец, судорожно вдохнуть.

Ковальского уже не было в салоне. Лейтенант выпрыгнул из машины, как только отгремел последний выстрел, и теперь, вскинув оружие на уровень глаз, просматривал окрестности через панорамный компьютерный прицел.

– Чисто... – наконец выдохнул он, оборачиваясь к Мари. – Не ушиблась?

– Что это было?.. – Она отстегнула ремень безопасности, с трудом выбравшись из салона автомобиля.

– Засада. Причем совершенно безграмотная.

– Безграмотная? – Мари прошла вдоль капота, разминая затекшие мышцы, а заодно мысленно представив свои действия в данной ситуации.

Ей моментально привиделся резкий удар по тормозам, руль, рвущийся из рук, длинный, скошенный тормозной след и... два андроида, появившиеся за ее спиной, чтобы спокойно расстрелять незадачливого водителя через заднее стекло машины.

– Как ты узнал, что тут засада?

Ян опустил автомат, удерживая его здоровой рукой.

– Иди сюда. – Он подошел к застывшему посреди дороги обезглавленному андроиду и слегка толкнул его. Сервомеханизм со стуком упал, выбив облачко мелкой белесой пыли из гравийного покрытия проселка.

– Как ты думаешь, пули, попавшие ему в башку, ударили сильнее? – с легкой иронией спросил он.

Мари лишь прикусила губу.

Ну конечно, он был солдатом, вернее, офицером. Ей бы и в голову не пришло, что андроид при получении таких повреждений просто не мог остаться в вертикальном положении – значит, его кто-то *поставил* посреди дороги.

Она посмотрела на Яна и вдруг вспомнила, что несколько минут назад злилась на него.

Немногие из девушек ее возраста, оказавшись в подобной ситуации, были бы в состоянии задать себе элементарный вопрос: а дошла бы ты одна до города, подруга, как намеревалась? За каким перелеском нашли бы потом твой труп?

Мысли обожгли рассудок, на глаза вдруг навернулись предательские, непрошенные слезы.

Ян тем временем разрядил трофейное оружие, старательно не замечая ее состояния.

* * *

Вернувшись к машине, он завел заглухший двигатель.

На душе у Ковальского было тяжело. Он, как и Мари, чувствовал – привычный мир больше не вернется. Никогда. В мыслях лейтенанта боль и горечь успели смениться тоской. Он пытался понять происходящее, но не мог. Не хватало ни информации, ни знаний. Плохо, когда учебные программы утверждали одно, а реальность демонстрировала совершенно иное.

– Мари, – негромко позвал он.

Девушка обернулась.

– Нам нужно решить, что делать дальше. Энергостанция наверняка захвачена сервомеханизмами.

Она молча ждала продолжения. Присев на край сиденья, Мари смотрела на Яна, остро ощущая, что он остался ее единственной опорой в изменившемся до неузнаваемости мире.

– Почему ты так решил?

– Будь атака андроидов отбита, сейчас окрестности прочесывали бы вооруженные люди, – скупое, но доходчиво пояснил он. – Бой на станции закончился около получаса назад, а мы с тобой навалились на засаду андроидов.

Мари кивнула, соглашаясь с его доводами.

– Есть предложения? – спросила она, чувствуя, нужно что-то сказать, поддержать разговор...

– Я могу попытаться отвезти тебя в город. Хотя не уверен, что туда есть безопасный путь. По крайней мере отсюда.

– А сам ты что думаешь?

– Я бы двигался через энергостанцию, – с мрачной решимостью произнес он. Лейтенант явно пребывал не в лучшем состоянии духа, несмотря на только что одержанную победу. Он не мог бросить Мари, не мог сказать ей, как сильно ее присутствие стесняет свободу выбора...

– Ян... – Она запнулась, подбирая слова. – Тебе это нужно? Обязательно нужно?

– Наверное, ты не поймешь меня... – сокрушенно покачал головой Ковальский. – Моего взвода больше нет. Да и я сам, скорее всего, уже не значусь в списках живых.

– При чем здесь ты?!

– Я боюсь получить глупый или панический приказ... – немного помедлив, сознался Ян. – Или хуже того – попасть под следствие.

– Но ты сражался, ты ранен, и я уверена – сделал все, что в человеческих силах, чтобы остановить их там, у холма!

– Так думаешь ты. Но другие люди могут решить иначе. К сожалению, я знаком с подобными ситуациями. Меня станут допрашивать в то время, когда нужно действовать, иначе город просто погибнет без электричества... Начнется паника, не будет воды, света, могут произойти техногенные катастрофы, затем последуют эпидемии, голод. Нас не нужно уничтожать. Город погибнет, лишившись источника энергии. Думаю, именно этого добиваются машины.

Мари мысленно представила тот хаос, что скупо обрисовал ей Ян.

Сердце царапнул знакомый коготок ужаса.

– Ян, ты один... К тому же ранен...

– Один человек может сделать много, – оборвал ее лейтенант. – Боюсь, тебе не понять моей логики. Эти андроиды, – он указал на валяющийся посреди дороги эндоостов, – совершенно не умеют воевать. Они берут верх лишь за счет скорости реакции и своего численного превосходства. Мы имеем дело с бытовыми машинами, которые кто-то вооружил и снабдил примитивными боевыми программами.

– Откуда ты все знаешь?! – В голосе Мари сквозило обыкновенное отчаяние.

– У меня есть глаза. Я вижу, как действуют эти жалкие подобию человека.

– Тогда объясни, почему они дошли почти до окраин города? Если они ничем не превосходят нас?

– Мы не были готовы к *подобному* вторжению. Они выиграли внезапностью и беспощадностью. У них нет чувств, нет мыслей, есть только цель. А мы... Мы так не умеем.

– Я понимаю... – горестно вздохнула Мари, сделав свой вывод из сказанного. – Ты решил умереть, чтобы доказать всему миру, что не трус.

– Можешь считать, как хочешь. Я пойду туда. Довежу тебя до окраины полиса и вернусь. А ты найдешь штаб сил самообороны и расскажешь полковнику Нагаеву все, что видела. Договорились?

Мари молчала.

Она думала сейчас о том, куда пойдет в городе, что будет делать, как станет жить... с вечным, неизбывным страхом в груди, с неизвестностью, с мыслями, догадками о том, как погиб Ян и сколько времени ей самой осталось дышать?

Кто они – эти похожие на людей машины? Откуда, по какому праву они пришли в наш мир и начали убивать? Что им нужно?

Мысли принадлежали совершенно другому человеку, не той девушке, что сутки назад беззаботно поднималась по тропинке к вершине холма.

Ты дура. Что ты противилась? Сошла с ума? Тронулась от страха?

В том-то и дело, что страх исчез.

Не было ужаса, словно он рухнул в дорожную пыль вместе с фигурой дройда.

А что я стану делать в городе? Сидеть и ждать конца?

Господи... Господи, что же мне делать?!

Ей сейчас хотелось одного: решиться хоть на что-то, не мучить себя сомнениями, не изводить душу вариантами, а принять решение и следовать ему. До конца.

Удивительно, как сильно может измениться мировоззрение за краткий, ничтожный промежуток времени.

И тут же нахлынули воспоминания, обдав душу липким противным страхом.

Ты дура... – словно заведенный, твердил внутренний голос. – *Беги, пока не поздно. Скажи себе «Наплевать» и беги!..*

Как это здорово – дышать, ощущать себя *живой*.

Она посмотрела на небо, удерживая намернувшиеся слезы.

– Ян...

– Да, Мари?

– Не нужно ехать в город. Я пойду с тобой. Туда... На станцию... – Она с трудом выдохнула последнее слово и отвернулась, чтобы он не видел смертельной бледности ее лица и жгучих слез, струящихся по щекам.

* * *

Несколько секунд он мрачно и пристально смотрел на Мари.

Она спиной почувствовала его взгляд. Мир все еще расплывался перед глазами, когда она обернулась, не в силах вынести наступившей вдруг тишины...

– В чем дело? Что тебя не устраивает? – Она не заметила, как повысила голос. – Тебе непонятно мое решение? Я ИДУ С ТОБОЙ. – Мари чуть понизила тон и добавила: – Можешь сколько угодно сверлить меня взглядом. Да, я не хочу в город. Я боюсь. Ты нарисовал такую перспективу, что лучше я останусь здесь с тобой, чем там.

– Ладно. – Взгляд Ковальского слегка потеплел. – Мы пойдем вместе. Но обещай, что будешь слушать меня беспрекословно. Ты действительно умеешь стрелять?

– Умею.

– Хорошо. Тогда запомни: будем прорываться к главному входу. Я веду машину, ты стреляешь в любой человекоподобный механизм. Договорились?

Она молча кивнула.

Разговаривать больше не хотелось.

Хотелось прижаться к груди Яна, поцеловать его, но на это у нее не хватило храбрости.

Наивная глупая девочка, повзрослевшая на добрый десяток лет, но еще не потерявшая юношеских комплексов юности.

Она еще не научилась мыслить категориями войны, когда есть только один миг существования – *сейчас* – все остальное слишком неопределенно.

* * *

Вновь под колеса машины с шелестом стелился гравий проселка, потом на очередном повороте он сменился бетонным покрытием автострადы, и тут же они увидели первые признаки отбушевавшего пару часов назад жестокого боя.

Перегораживая автомагистраль, поперек дорожного полотна стояли два обгоревших вездехода.

Ян притормозил, затем вовсе остановил машину, когда их взглядам вдруг открылась жуткая, с трудом воспринимаемая рассудком панорама: бетонную дорогу, ведущую к воротам энергостанции, густо покрывали обломки сервомеханизмов, они были повсюду, и, куда ни глянь – среди свежих подпалин и неглубоких воронок, выбитых гранатными взрывами, на посеченных осколками ветвях и листьях придорожного кустарника виднелись загадочные кляксы серебристой субстанции.

Разбитые, обгоревшие эндоостовы сервомеханизмов лежали среди обломков и серебристых лужиц, навек застыв в начатом, но не завершенном движении...

– Прикрой... – хрипло произнес Ян.

Покинув машину, он метнулся к баррикаде, над которой еще курился серый зловонный дым.

Через минуту, вернувшись, он тихим, абсолютно неестественным, будто заledenевшим голосом попросил Мари, усаживаясь за руль:

– Закрой глаза и пригни голову.

– Зачем?

– Вездеходы не объехать. Буду таранить.

Она послушалась, почувствовав, как машина рванулась с места, затем последовал удар, сопровождаемый протяжным скрежетом сминаемого металла, на миг показалось, что они остановились, застряли, но двигатель, взревев на высоких оборотах, все же протаскил легковую машину между бамперами вездеходов, и в эту минуту Мари, решив, что они успешно проскочили препятствие, приподняла голову, оглянувшись по сторонам.

Лучше бы она сидела не шелохнувшись.

Взгляду открылось чудовищное зрелище – десятки мертвых защитников баррикады лежали на залитом кровью бетоне...

– Ян, останови!.. – невольно вскрикнула Мари.

Он лишь молча сжал зубы, стараясь не наехать колесами на тела.

Мгновением позже Мари поняла, почему он не внял ее словам: тут не было раненых – только трупы, потому что в каждого из павших защитников укрепления был произведен контрольный выстрел – все тела оказались перевернутыми лицом вверх, а в центре груди у каждого чернело пятнышко уже свернувшейся крови.

– Они добивали раненых... – простонала Мари.

– Не смотри. Умоляю тебя...

Поздно. Она уже увидела это.

Вскипевшее в душе чувство нельзя было назвать.

Имени ему *не существовало*. В этот жуткий миг первого знакомства с видом насильственной смерти Мари, наконец, поняла – прошлое невосвратимо. Она уже никогда не станет прежней, не сможет мыслить, как наивная двадцатилетняя девушка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.